

О. Рубинчик
Санкт-Петербург

**«...На память о многом»:
Анна Ахматова и семья Рыбаковых¹**

По свидетельству О. И. Рыбаковой, ее отец «познакомился с Анной Андреевной в 1923–1924 годах через сестер Данько. Наталья Данько тогда работала над статуеткой А. А. Ахматовой».² Исходя из совокупности фактов, следует датировать это знакомство второй половиной 1924 года.³

И. И. Рыбакова в связи с Ахматовой обычно упоминают мельком, однако их встреча не была для нее и тем более для него проходным событием.

Иосиф Израилевич Рыбаков (по дореволюционному паспорту Рыбак,⁴ 1880–1938) был настоящий *self made man* с биографией, достойной пера яркого романиста. Он обладал недюжинной энергией, мощным мужским характером и обаянием, а также тем, что сейчас стало модно называть харизматичностью. Эти качества не отразила, пожалуй, ни одна из его фотографий, их отсвет можно увидеть лишь в его портретах, прежде всего – в портрете 1922 года работы А. Я. Головина.

Замечательно вспоминает о нем Ольга Иосифовна:⁵ «Отец мой, он был человеком, который сделал себя сам. Он кончил университет Петербургский, юридический факультет, но кончил его после того, как отслужил “солдатчину”. Он был ранее исключен из Киевского университета за участие в восстании саперов⁶ и отправлен на действительную службу. А дедушка, который был купцом II гильдии, его выкупал (естественно). И говорил: “Когда на моей долони⁷ вырастут волосы, тогда из Осипа будет толк”. Но из него вышел толк. Он уехал в тогдашний Петербург, поступил в Университет, его окончил и стал работать помощником присяжного поверенного. А тут на революционной сходке он встретился с моей мамой, которая была сугубо революционно настроена, – тогда, в пятом году и позже, все были революционно настроены. Они встретились на явочной квар-

тире у некой тети Нади Берхин. Познакомились, она в него страшно влюбилась, и папа тоже увлекся ею. Потому что те женщины, с которыми он встречался раньше, были либо революционерки, застегнутые на все пуговицы, либо, наоборот, легкомысленными. Во всяком случае, такой девушки из петербургской семьи он раньше никогда не видал. И он ее полюбил и уважал всю жизнь. А он был очень интересным».

Жена Иосифа Израилевича, Лидия Яковлевна Рыбакова (1885–1953), в девичестве носила фамилию Гальперн. Ее брат Александр Яковлевич Гальперн был присяжным поверенным. «И вот к нему в помощники, – вспоминает О. И. Рыбакова, – и поступил мой папа. <...> Так как дядя имел хорошую практику, то они сняли две квартиры по обе стороны площадки. В одной у дяди был прием, в другой – у папы. Дядя вел гражданские, а папа в основном уголовные дела. <...> А в 14-м году умер дедушка.⁸ Связано это было с потрясением. Дедушка, такой беспорочный служака, отправился к министру просить, чтобы зятя перевели из помощников присяжного поверенного в присяжные поверенные. Так как он был уже высокопоставленный чиновник, то министр, по тамошним взглядам, не мог ему отказать, а министр ему все же отказал. Это было как пощечина. Старик упал в кабинете, его из кабинета вынесли. Он подал в отставку и больше никогда в министерство не пришел. Это была пощечина, чтобы заставить его уйти. Уволить его было невозможно, а тогда была страшная реакция – он был единственный еврей на все министерство. И он вел большую общественную работу по распространению просвещения между евреями <...>.

Папа не сразу, но все-таки получил присяжного поверенного. Он имел работу и как уголовный адвокат прославился настолько, что, когда горел Окружной суд⁹ и папа бросился туда, чтобы спасти портреты, которые висели в зале заседаний присяжных поверенных, то ему помогли его клиенты-уголовники. Огромные портреты одному было не вынести из горящего здания. А так как там как раз стояли кордоном уголовники, и они его узнали (они жгли свои дела), папа позвал их за собой, и эта “команда” вынесла 5 портретов.¹⁰ Потом папа сдал в Главнауку¹¹ эти портреты. Сейчас эти портреты в Русском музее. Об этом никто не знал. Это мы с искусствоведом Роммом “раскопали” и написали про это...».¹²

До Октябрьской революции Рыбаков не раз подвергался аресту за участие в революционном движении. В начале 1905 года из-за преследований охранки бежал в Швейцарию, где пробыл до конца 1905 года, затем нелегально вернулся.¹³ Был членом РСДРП, с 1908 по 1917 год состоял во фракции меньшевиков. 1917 год охладил его революционный пыл. О. И. Рыбакова: «...из его разговоров мне известно, что после Октябрьской революции месяца три он сидел дома и продумывал, как поступить, и решил отказаться от политической деятельности и пойти на хозяйственную работу, что и сделал...».¹⁴

Рыбаков работал юристом, экономистом, администратором, любыми способами стремился обеспечить семью. Между тем, его вновь ожидали аресты. В протоколах он теперь проходил как беспартийный. «В первый раз папу забрали еще в 21 году, – рассказывает О. И. Рыбакова, – за то, что он поставлял лошадей бандиту Антонову. Антонов был тамбовец,¹⁵ а у папы был приятель из Тамбова, Наум Минаевич, который занимался поставкой гусей. Но никак не лошадей и не Антонову, а нэпмановским магазинам. Но папу должны были отправить по этапу в Тамбов. Но он лег на койку тифозного больного в тюрьме и заразился тифом. Тогда его, больного, вернули домой».¹⁶ Из петроградского «Следственного дела по обвинению Рыбакова Иосифа Израилевича» (№ 2950, 1921 год)¹⁷ описанные Ольгой Иосифовной детали не очевидны, зато очевидно, что в 1921 году ее отца арестовывали дважды: 17 февраля и 13 июля. Во время первого ареста было указано: «...обвиняется в хищении и в агитации против правительствующей РКП – освобожден под подписку о невыезде из Петрограда 19/II-21 г. Дело следствием прекращено за недоказанностью обвинения 26/V-21 г.». Во время второго ареста чекисты зашли дальше: «...конкретных данных о принадлежности Рыбакова к бандитской организации нет, но его прошлое (меньшевик) и настоящее (сидел по обвинению в контрреволюции), связь с Бутриным дают полное право признать его неблагонадежным и подлежащим высылке в Архангельскую губернию сроком на два года. Арестованный находится в Лефортовской тюрьме». Из протокола допроса от 13 июля 1921 года, где показания записаны рукой самого Рыбакова, следует, что он отрицал не только свою вину, но и вину Бутрина (возможно, это тот самый Наум Минаевич из рассказа О. И. Рыбаковой: в показаниях ее отца в связи с Бутриным фигури-

руют куры и гуси). По словам Рыбакова, во время «конского кризиса» в Петрограде Бутрину была поручена «организация закупки лошадей», благодаря чему «Питер получил около 1500 лошадей» и произошло «смягчение транспортн<ого> кризиса». 14 июля 1921 года Рыбаков был этапирован в Москву в распоряжение ВЧК, где 23 августа того же года было принято постановление отослать его обратно, «под надзор Петроградской Губчека под подписку о невыезде».¹⁸

Вот с таким человеком и познакомилась Ахматова. Но для нее, как и для множества других его знакомых и друзей из мира искусства и литературы, он был не столько недавним революционером, юристом и экономистом, сколько страстным коллекционером.¹⁹ Вернемся к воспоминаниям О. И. Рыбаковой: «А дядя <...> собирал картины. Он, кстати, тоже был меньшевиком и даже другом Керенского. И когда было Временное правительство, то он был управляющим делами во Временном правительстве. После краха Временного правительства дядя уехал за границу. Мы все его вещи перенесли к себе, прятали по знакомым, потому что иначе была бы конфискация. Все его картины оказались у нас. А у дяди был роман с княжной Андрониковой, воспетой Мандельштамом, да и Ахматова ей тоже посвящала стихи.²⁰ Это была женщина из их круга. Впоследствии, уже за границей, дядя на ней женился.²¹ <...> Папа еще при дяде посещал аукционы, ему нравилось это дело (собирачество). А после дядиного отъезда папа стал владельцем довольно хорошей коллекции. И так как у него была хорошая практика, то он стал также усиленно собирать».²² Постепенно коллекция Рыбакова обрела редкое разнообразие: тут были редкие книги и рукописи, живопись и графика (прежде всего, современных русских художников), иконы, фарфор и фаянс, мебель, колокольцовские шали²³, бисер и т. д. За длительную историю существования коллекции многие предметы ушли в музеи и в другие частные собрания, но значительная часть, включая то, что наиболее тесно связано с семьей, продолжает жить в доме.

«И. И. Рыбаков являлся активным членом ряда художественных обществ, как то: Общества библиофилов, Общества поощрения художеств, Общества “Старый Петербург” и т. п. Собирая с 1914 года произведения искусства, Иосиф Израилевич являлся непременным участником многочисленных художественных выставок».²⁴

«...Он познакомился с художниками: с Сомовым, с Серебряковой, с Карёвым, с Лебедевым... И все эти люди бывали у нас в доме. Потом со скульптором Натальей Данько, а у Данько была сестра писательница Елена Данько,²⁵ она познакомила папу с Анной Андреевной Ахматовой. Он рассказывал, как впервые пришел к ней в Мраморный дворец. Длинный коридор, дико холодный, входит он в какую-то комнату, в первой комнате лежит, завернувшись в плед, Шилейко, с видом какого-то разбойника, и сидит огромная собака, а в задней комнате уже сидела А. А. Потом А. А. стала у нас бывать со своей подругой Ольгой Афанасьевной Глебовой-Судейкиной. <...> У нас постоянно бывали и художники, и писатели. Потом папа стал снимать на лето и выходные дни квартиру в Пушкине, там (в Царском Селе)²⁶ жила масса людей искусства. Мои родители общались и с Петровым-Водкиным, и с Н. Э. Радловым, Е. И. Замятиным, потом приехал Алексей Толстой. Оказалось, что папа встречался с ним до войны, и они вновь стали встречаться с ним и его женой Крандиевской Натальей Васильевной. Я помню два торжественных обеда, которые устраивал папа. Один был для Сомова. И Сомов пишет, что у Рыбакова был очень вкусный обед.²⁷ А А. А. обедала у нас обычно по четвергам. Уехали мы с улицы Каляева (Захарьевской) и из Царского Села в 30-м году, когда стало невозможным держать большую вторую квартиру в Царском. Часть вещей осталась у нашего большого друга А. Я. Головина. Он писал мамин портрет еще в 22-м году и двойной портрет, мой и мамин, в 23-м году».²⁸

Столь изысканный дружеский круг в значительной степени объяснялся тем, что Иосиф Израилевич и Лидия Яковлевна были настоящими ценителями изобразительных искусств и литературы. Но в революционные и последующие годы, когда этот круг возник, не менее важен был другой фактор: меценатская щедрость (с поправкой на эпоху) и попросту человеческая доброта, коллекционерская одержимость и «нэпмановские» возможности Рыбакова. «Нэпманом» называет Рыбакова, в частности, бывавший у него вместе с Ахматовой Н. Н. Пунин. Он ценит коллекцию Рыбакова, обсуждает с ним политические вопросы, но при этом именуется в своем дневнике нэпманом. Разочаровавшийся в Советской власти недавний комиссар по искусству пишет в 1925 году: «“Нэпманы”, во всяком случае, не оппозиция, их настроение можно определить словами: “еще по-

терпеть” или “плохо, очень плохо, но надо пережить, вытянуть”. Так приблизительно смотрит и Рыбаков – типичный “нэпман”; все из-за страха реставрации». ²⁹

К. А. Сомов описывает в дневнике, как 31 декабря 1919 года (по старому календарю) он с сестрой тащил приготовленные для него Рыбаковым в каком-то доме на улице Жуковского мешки с провизией: «Я тащил на спине, согнувшись вдвое, больше пуда до трамвая, Анюта – громад<ный> мешок. Устали. Вечером <...> вкусный ужин <...> Уютно, зажигали Анют<ину> елочку». ³⁰

М. В. Бокариус, заставшая в живых некоторых друзей и знакомых Рыбаковых, поделилась со мной их устными воспоминаниями. Вера Федоровна Шухаева ³¹ рассказывала Марине Витальевне, что Рыбаков позвал ее к себе работать в банке. ³² Она отказалась: «Я же не умею считать, таблицы умножения не знаю». Он ответил: «Не пойдешь – умрешь с голоду». И она пошла. Шухаева вспоминала, что, выходя из дома Рыбаковых, она всегда обнаруживала у себя в кармане бутерброд в салфетке. ³³ М. В. Бокариус: «Он был высок ростом, красивый и добрый, широкой души человек. Он подкармливал художников, помогал им. Конечно, это способствовало поступлению работ в его коллекцию». ³⁴

Ж. Б. Рыбакова: «Дед, как все коллекционеры, старался купить дешево, а продать дороже. Но он поддерживал художников и вообще людей искусства, помогал им. Он в трудные годы опекал беспомощного в быту Головина. Когда тот умер, дед хоронил его». ³⁵

И для Ахматовой это было существенно: обеды у Рыбаковых, «обычно по четвергам», поездки к ним на блины; предложенные в марте 1925 года, во время обострения у нее туберкулеза, деньги на лечение в детскосельском санатории. Судя по записи П. Н. Лукницкого, Ахматова в тот момент от денег и от санатория отказалась, ³⁶ однако позднее все же взяла у Иосифа Израилевича 300 рублей в долг ³⁷ и с 3 апреля по 10 мая 1925 года находилась на лечении в Детском Селе в пансионе Зайцева на Московской ул., д. 1. ³⁸

Лукницкий: «Рыбаков принес апельсины. АА их нельзя». ³⁹ Ср. дневниковые записи К. И. Чуковского: «Возле кровати столик, на столике масло, черный хлеб. <...> <Ахматова> лежала на кровати в пальто – сунула руку под плед...» (1921); «Дала мне сардинок, хлеба» (1922); «... в трамвае у нее не хватает денег на билет...» (1923); «...она, конфузясь,

сообщила мне, что проф<ессору> Шилейке нужны брюки: “Его брюки порвались, он простудился, лежит”. Я побежал к Кини, порылся в том хламе, который прислан американскими студентами для русских студентов, и выбрал порядочную пару брюк...»; «Нет спичек. Нужно будет затопить плиту – нечем» (1924).⁴⁰

Записи об Ахматовой, которые регулярно вел с конца 1924 по 1927 год Лукницкий, показывают, насколько заметным было участие Рыбаковых, особенно Иосифа Израилевича, в жизни Ахматовой в это время. «АА сегодня говорила о Рыбакове. Говорила, что он к ней относится с большой доброжелательностью и заботливостью. Всегда старается всучить ей деньги, сделать ей всякие одолжения». ⁴¹ Когда Рыбаков строил планы (не реализовавшиеся) открыть свое издательство, то хотел, чтобы в число пайщиков обязательно вошла Ахматова, и собирался печатать монографию о Сезанне, которую она начала (но не закончила) переводить с французского: «Он говорит, что издаст несколько книг, даже если они не оправдают расходов, – сделает это из своих коллекционерских стремлений». ⁴² Было ли за всем этим что-то, кроме восхищения поэтическим даром Ахматовой и желания помочь?

Ахматова надписывает ему второе издание «Четок» (Петроград: Гиперборей, 1915): «Иосифу Израилевичу Рыбакову / в знак моего сердечного расположения / Анна Ахматова. / 18 дек. 1925. / СПб. // “Я пою и лес зеленеет”». Процитированная строка принадлежит художнику-мозаичисту и поэту Б. В. Анрепу⁴³, к которому, по словам А. Г. Наймана, «обращено больше, чем к кому-либо другому, ее стихов, как до, так и после их разлуки». ⁴⁴ Много лет спустя эта строка станет эпиграфом к циклу стихов Ахматовой «Эпические мотивы». ⁴⁵

11 марта 1925 года в своей «интимной тетради» Лукницкий, меняя имена, записал за Ахматовой (Анной Кирилловной Бахмутовой): «Со смехом: Вчера они пришли вместе: П. П. <Н. Н. Пунин. – О. Р.> и Дельфинов <Рыбаков. – О. Р.>. Он предлагал мне взять меня на содержание... И сказал, что это ему совсем не трудно будет. Конечно, он не так сказал – это я из хулиганства, он сказал иначе, но смысл такой был! П. П. в другой комнате был, я позвала его и сказала: “Что ж это Вы с собой содержателя привели!”». ⁴⁶

Лукницкий, 22 марта 1925 года: «АА говорит, что жена Рыбакова ее ревнует – Наташа Данько ей донесла об этом...

АА: “Рыбаков дома за обедом сказал при жене и при других, что он не видел Н. Н. Пунина в этот день... А через несколько минут сказал, что Алянский и Каплан⁴⁷ не зайдут ко мне. Жена стала истерически смеяться: «Значит, ты не от Пунина узнал?» Он тоже стал смущенно смеяться, а она так истерически смеялась, что должна была встать и выйти из-за стола...”

АА: “А я еще Наташе Данько сказала, что он палку оставил”. (Рыбаков забыл свою трость у АА, когда был в последний раз).

АА: “Но ведь тут я себя чувствую совершенно невинной: не могла я этого предвидеть!” (– что жена Рыбакова ревнует, т. к. в действительности никаких причин к ревности нет; АА даже пугает мысль о такой нелепости)».⁴⁸

В 1926 году Ахматова была в течение нескольких месяцев на Рыбаковых обижена: «Ездила в Царское Село к Рыбакову. Была приглашена обедать. Однако, приехав к Рыбакову, не застала его дома. Считает, что за сим должно последовать прекращение отношений».⁴⁹ В это время она в сердцах говорила о «рыбаковском хамстве» и о «ревнивой – идиотски – жене Рыбакова».⁵⁰

Но так ли необоснованна была ревность? Для Ахматовой продолжались годы мужского обожания, которое нередко принималось ею благосклонно или, по крайней мере, не отвергалось полностью. Калейдоскоп имен: В. К. Шилейко, А. С. Лурье, М. М. Циммерман, Н. Н. Пунин, П. Н. Лукницкий... В том же марте 1925 года, когда Ахматова рассказывала Лукницкому о приступе ревности у жены Рыбакова, он записал с некоторыми умолчаниями:

«О жене...

– Она меня не любит...

– Жена?... Почему?

– Ну как же – я “соперница”. Она его очень ревновала ко мне. Помню (фамилия подруги) звонила ему по телефону. Спросила: “...в Царском?...” Жена, наверно, рядом стояла, потому что он ответил: “Да... там...”».⁵¹

Это о ком? Совсем не обязательно о Рыбаковых.

15 февраля 1926 года неравнодушный наблюдатель Лукницкий отметил в дневнике: «Рыбаков звонил. АА вернулась улыбающаяся (тайно). Острила очень, наверно».⁵² А 14 марта 1926 года он записал со слов Ахматовой: «Под вечер АА с Пуниным были у Рыбаковых

на блинах. АА попросила Пунина за столом показать Рыбакову фотографии, сделанные мной (я их дал вчера АА и вчера же Пунин забрал их у нее – себе). Пунин взъерошился: “Не покажу...” – “Почему?” – “Они неприличны!” Создав неловкость, Пунин потом решил показать. Рыбаков смотрел сластолюбиво и сказал приблизительно так: “Да, Анна Андреевна на все способна”. Еще углубил этим неловкость. Потом Пунин выговаривал АА: “Вы думаете, мне приятно, что Лукницкий видит вас в таком виде!” А история глупая – фотографии абсолютно приличны: АА снята в постели». ⁵³

Еще о ревности. Рассказ М. В. Бокариус: когда Марина Витальевна, будучи студенткой, не успевала вовремя напечатать свой диплом, О. И. Рыбакова послала ее к одной красивой старой даме – машинистке «из бюро Рыбакова». Звали даму Анжела Давыдовна Лурье. Она напечатала М. В. Бокариус сто страниц за один день. Из разговоров с Анжелой Давыдовной выяснилось, что «Рыбаков – любовь всей ее жизни, у них был роман. Она показывала подаренные им роскошные аметистовые серьги до плеч, камеи и драгоценную шаль. Он очень любил шали, собрал их целую коллекцию». Ср. слова Ахматовой в записи Лукницкого (март 1925 года): «Меня эти “рыбаки”, которые платки дарят, зовут в четверг к себе. Пойду, наверное». ⁵⁴ По утверждению Анжелы Давыдовны, у Рыбакова с Ахматовой тоже был роман, он был сильно Анной Андреевной увлечен. Анжела Давыдовна преклонялась перед Ахматовой, но очень ревновала и считала ее отношение к Рыбакову корыстным. «Мне кажется, – добавила Марина Витальевна, – это во времена Лукницкого было».

Важное примечание. Особенность многих людей описываемого круга – умение подниматься над собой, над «слишком человеческим» в себе. По словам Ж. Б. Рыбаковой, «Анжела Давыдовна Лурье работала с дедом на одном из заводов, была у него секретарем-машинисткой». Она была из тех друзей дома, которые не предали Иосифа Израилевича и его семью после того, как его арестовали в 1938 году. Она продолжала дружить с его родными, поддерживала их. «Поэтому мама ее и опекала в старости, пока у нее самой не случился инсульт».

Что касается оснований для ревности к Ахматовой, то можно утверждать лишь следующее: в ее «донжуанские списки», один из которых был составлен для Лукницкого, а другой – для Пунина, ⁵⁵

Рыбаков не вошел.⁵⁶ Хотя если бы вошел, едва ли стоило бы этому удивляться. Ж. Б. Рыбакова о деде: «Женщины вообще млели перед ним».

Еще одно свидетельство тому – отношение к Рыбакову актрисы и художницы Ольги Николаевны Арбениной (Гильдебрандт, 1897–1979/1980), которой в свое время посвящали стихи Н. С. Гумилев и О. Э. Мандельштам. Ничего не зная об арестованном и расстрелянном в 1938 году муже – Ю. И. Юркуне, в 1946 году она писала в письме ему (себе):

«Юрочка мой, пишу вам, потому что думаю, что долго не проживу. Я люблю вас, верила в вас и ждала вас – много лет. Теперь силы мои иссякли. Я больше не жду нашей встречи. Больше всего хочу я узнать, что вы живы, – и умереть.⁵⁷ <...>

Покаюсь в единственном реальном сильном впечатлении за все эти годы. Это был Рыбаков, которого я встретила на Пасху у Анны Радловой в 38 году. Мы остались одни на несколько минут, и он осыпал меня словами восхищения, как цветами. Анна менялась с ним: фарфор на стекло – он ушел, напряженный и сильный, как Самсон; я не решилась на вторую встречу с ним, потому что не смела позволить себе радость, когда вы в таком горе. Летом я узнала, что его забрали. <...>

Я видала сны про вас (или, вернее, про человека с именем Иосиф) и про смерть и про кладбище...».⁵⁸

Рыбаков был из тех, кого не забывают. Ж. Б. Рыбакова: «У Анжели Давыдовны блестели глаза, когда она говорила о деде».

***

Знакомство Ахматовой с Л. Я. Рыбаковой, по-видимому, произошло довольно скоро после знакомства Анны Андреевны с самим Рыбаковым. Он не мог их не познакомить, поскольку, по словам Жозефины Борисовны, «для него жена была – святое». Несмотря на дополнительные обертоны, общение Анны Андреевны и Лидии Яковлевны изначально было окрашено в тона доброжелательности и не ограничивалось семейным столом. В 1926 году Лукницкий отметил в дневнике: «18 мая был на негрооперетте в цирке. Там были и АА с Пуниным и Рыбаковыми».⁵⁹ В 1927 году: «10 апреля. Была в Филармонии на концерте О. Клемперера

(Стравинский, Дебюсси, Равель) вместе с Н. Данько и Л. Рыбаковой».⁶⁰

Среди многочисленных дарственных надписей Ахматовой членам семьи Рыбаковых есть такая: «Милой Лидии Яковлевне / Рыбаковой на память / о зиме 1924–25 г. / дружески А. Ахматова». Инскрипт сделан под ахматовской фотографией работы М. С. Напельбаума (Петроград, 1921): Ахматова в пальто с меховым воротником и с книгой в руке. На другом экземпляре того же фотопортрета, подаренном, судя по оформлению надписи, тогда же: «Иосифу Израилевичу Рыбакову / с хорошими пожеланиями / А. Ахматова».⁶¹

Дарственные надписи Ахматовой мужу и жене, кажется, вступают друг с другом в шутивное соревнование. На втором издании «Anno Domini» (Берлин: Петрополис, 1923) Ахматова пишет: «Милой и веселой Лидии / Яковлевне Рыбаковой / от сочинительницы / в знак приязни. / 1925. Февраль. / СПб». В сборнике – портрет автора работы Ю. П. Анненкова. Видимо, тогда же сделана надпись на четвертом издании «Белой стаи» (Берлин: Петрополис; Алконост, 1923), где никакого портрета нет: «Иосифу Израилевичу Рыбакову / “Белую Стаю” без портрета, / но от всего сердца / Ахматова. / 1925».

В 1926 году Ахматова надписывает Л. Я. Рыбаковой фотографию, на которой она сидит в кресле в Мраморном дворце; снимок сделан Лукницким 2 марта 1926 года.⁶² «Милой / Лидии Яковлевне / Рыбаковой / на память / от Ахматовой. / 14.III.1926».⁶³

Подробно про Лидию Яковлевну и ее семью рассказывает О. И. Рыбакова: «Ее отец был чиновник, окончивший в свое время (в 70-х годах) университет и дослужившийся до тайного советника, т. е. до штатского генерала. Причем учился он в гимназии и дальше на медные гроши и на добровольные пожертвования общины. Он был мальчишка из Вильно, сын подмастерья пекаря. 25 лет он проработал беспорочно в судебном ведомстве. Так как он был честный служака, женатый на дочери врача из Ковно (бабушка была из достаточной семьи), то дедушка смог дать своим детям, сыну и дочери, блестящее образование...».⁶⁴ «Мама окончила Анненшуле (Кирочная, 8)⁶⁵ и историко-филологический факультет Высших Бестужевских курсов, знала пять языков, машинопись, окончила курсы медсестер военного времени, работала в канцелярии военного госпиталя,⁶⁶ преподавала историю и литературу – недолго, т. к. не

обладала педагогическим даром. Она даже меня в детстве пыталась учить истории и русскому языку и литературе, но быстро нашла себе замену в лице профессиональных преподавателей». ⁶⁷ «Мама немного работала <...> и как переводчица <...> А в основном ей пришлось работать только в первые годы советской власти: она была секретарем Откомхоза ⁶⁸... Вот такие всякие работы. А так вообще она помогала папе, печатала на машинке, ну, как жене полагается помогать, конечно». ⁶⁹

К моменту знакомства Л. Я. Рыбаковой и Ахматовой Лидия Яковлевна уже не служила, а занималась семьей, коллекцией, приемом гостей и т. д. 25 января 1925 года Лукницкий записал: «АА недавно предлагали (Рыбаковы?) ехать с ними за границу. АА отказалась». ⁷⁰ Его запись от 28 февраля проясняет ситуацию: «Рыбаков с женой и детьми ⁷¹ скоро едет за границу. Предлагает АА ехать с ними – совершить турне, – выступить с чтением стихов в Париже, Лондоне, Праге, Вене. Отказалась». ⁷² Однако были колебания, о чем говорит письмо Е. И. Замятина А. Ц. Ярмолинскому от 11 марта 1925 года: «Ахматова <...> Вероятно, поедет за границу весной или в начале лета». ⁷³ Но она не поехала. Запись Лукницкого от 24 мая 1925 года: «...пришли с прощальным визитом Рыбаковы. Они завтра едут в Париж на 3 месяца. АА не дала им никаких поручений». ⁷⁴

О том, какова была заграничная поездка Рыбаковых и что она была не одна, можно узнать главным образом из протоколов допросов Иосифа Израилевича в 1938 году. 25 августа, в ответ на требование подробно рассказать о поездках за границу, он сообщил:

«За границу во Францию я выезжал дважды, в 1925 и 1926 гг.

Первая поездка, так же, как и вторая, проходила вместе с женою и дочерью. Первый раз я ехал через Ревель (Эстония) транзитом, пароходом в Германию, где пробыл для осмотра города <Берлина. – О. Р.> около недели, пароходом в Лондон, находился около недели в гостинице и уже оттуда пароходом во Францию. Пробыв в Париже около 1 или 1½ <месяцев>, вернулся проездом через Германию в СССР.

Вторая поездка происходила транзитом через Германию в Париж. Через неделю я переехал в дер<евню> Гитари, ⁷⁵ где пробыл недели три, снова через Париж – Германию вернулся пароходом в Сов<етский> Союз».

Ранее, на допросе от 7 июля 1938 года, Рыбаков дал такое разъяснение: «Причина моих поездок за границу являлось в основном дать возможность⁷⁶ жене свидеться со своим братом Александром Яковлевичем Гальперном и матерью Софьей Исаковной Гальперн, которую мы хотели привезти обратно на родину и в действительности осуществили это намерение – мать моей жены вернулась вместе с нами».⁷⁷

С родными жены Рыбаковы виделись как в Лондоне, где жил А. Я. Гальперн, так и в Париже, где в то время в основном жила его жена Саломея, работавшая тогда в «Jardin des modes» – парижском модном журнале Люсьена Вожеля,⁷⁸ оригинальном и очень популярном. Париж был местом жительства ее взрослой дочери от первого брака.

По свидетельским показаниям О. И. Рыбаковой от 27 августа 1938 года, хранящимся в деле отца, поездки состоялись не в 1925-м и 1926-м, а в 1924 и 1925 годах.⁷⁹ Верными, скорее всего, являются указанные ею даты, в пользу этого говорит, в частности, отсутствие упоминаний о заграничном путешествии Рыбаковых 1926 года в дневнике Лукницкого.⁸⁰

Иначе обстоит дело с их поездкой в 1926 году в Крым: тут сведений много, причем из разных источников. У Ахматовой очередной период жилищной неопределенности. 22 августа 1926 года Пунин пишет находящейся в отъезде жене А. Е. Арнс: «А. А. с Тапой живут у нас. Она опять больна <...> Был Рыбаков и предлагает А. А. жить в их квартире в Царском; они сами уедут в Крым».⁸¹ А 23 сентября Иосиф Израилевич посылает Ахматовой в Царское Село открытку с видом пустынного алуштинского побережья. В послании нет ничего значительного, кроме, может быть, многоточия и полуфразы после него. И простым глазом виден характер корреспондента: довольно крупным, неаккуратным, не очень разборчивым почерком он заполняет все предназначенное для письма малое пространство; буквы с наклоном влево, и пишет Рыбаков не вдоль открытки, как положено, а поперек.

Алушта
22/IX 26 г.

Милая Анна Андреевна!

Надеюсь, что это письмо дойдет до вас, другими словами, что вы в Дет-

ском, «в полуциркульном зале Екатерининского дворца». Здесь поливает, холодновато и... хочется уже обратно.

Сердечный привет вам и Ник<олаю> Ник<олаевичу> от наших привет.
<sic! – О. Р.>

Ваш И. Рыбаков.

23 сентября Ахматова сообщает Шилейко: «Дорогой Володя, я приехала в Царское на несколько дней, живу в пустой квартире Рыбаковых. <...> Мой адрес: Детское Село. Полуциркуль Большого Дворца, кв. № 1. Рыбаковы». ⁸²

Существует конверт от несохранившегося письма Ахматовой к Шилейко, на штемпеле: Детское Село. 4. 10. 26. Указан адрес Рыбаковых. ⁸³

19 октября 1926 года Шилейко пишет из Ленинграда в Москву своей новой жене В. К. Андреевой-Шилейко: «С Анной Андреевной я обедал в день приезда в маленьком ресторане на Екатерининской и свел с ней денежные счета, затем она отбыла в Царское, – вероятно, совсем». ⁸⁴ В черновиках этого письма: «...и после любезной и ядовитой беседы отбыла...»; «и после вежливой и злой беседы отбыла в Царское – чаемо, совсем». ⁸⁵

4 ноября того же года Ахматова выписалась из квартиры Шилейко в Мраморном дворце. ⁸⁶ Тогда же В. А. Рождественский написал Е. Я. Архипову: «В Царском живет сейчас и Анна Ахматова». ⁸⁷

11 ноября Лукницкий сообщил Л. В. Горнунгу: «АА не удастся найти комнату здесь в Ленинграде, а поэтому она будет, вероятно, жить в Ц<арском> С<еле>». ⁸⁸ К этому времени Рыбаковы уже вернулись, и она больше не живет в их квартире. Ср. письмо Р. Иванова-Разумника Андрею Белому от 10–15 ноября 1926 года: «Сологуб уехал, но в его комнатах теперь живет Ахматова, с декабря будет жить Шишков...». ⁸⁹ Сологуб занимал комнаты в том же доме, где постоянно жил Иванов-Разумник, по адресу: Колпинская ул., д. 20.

16 ноября Пунин прописывает Ахматову в свою с А. Е. Аренс квартиру в Фонтанном Доме, ⁹⁰ но она по-прежнему не находится там постоянно. Ищет жилье.

18 ноября Лукницкий отметил в дневнике: «Рыбаков указал АА комнату на Восьмой Рождественской <...> Далеко, дорого и плохая комната – не подходит». ⁹¹

21 декабря 1926 года Шилейко послал ей записку: «Дорогая Анна Андреевна, / Не откажите во время моего отсутствия (по 20 января приблизительно) занять мою квартиру. Я боюсь за книги и за Тапу. / Сердечно Вам преданный / ВШилейко».⁹² После этого Ахматова еще некоторое время живет на два дома.

Дружба с Рыбаковыми продолжается. 11 ноября 1927 года Лукницкий записал уже цитировавшиеся слова о заботе Рыбакова. Его щедрость по отношению к Ахматовой однажды поневоле распространилась и на О. Э. Мандельштама. Из дневника Лукницкого 1927 года узнаем, что год назад Ахматова и Пунины по просьбе Мандельштама обратились к Рыбакову: Мандельштам хотел с ним познакомиться, чтобы получить возможность занять у него денег. Тот от знакомства отказался, а 250 рублей (немалую по тем временам сумму) через них передал. Поскольку Мандельштам не имел ни привычки, ни возможности возвращать долги, а у Ахматовой и Пуниных денег для отдачи не было, они попали в неприятное положение. Но Рыбаков о долге и не заикался: из «тщеславия» делал «бесстрастную физиономию («вот, мол, как благородно я поступил с большим поэтом...»)...».⁹³

В те годы Ахматова бывала у Рыбаковых не только в царско-сельской, но и в ленинградской квартире, сначала – на ул. Каляева (Захарьевской), 7, а с 1930 года – на набережной Жореса (с 1945 года – Кутузова), 12.⁹⁴ Во второй половине 1920-х годов Рыбаков и его друзья – коллекционеры и писатели – организовали жилищно-строительный кооператив в роскошном, но требовавшем большого ремонта доме на набережной Жореса. Добывая средства для ремонта, они продали мраморную облицовку стен и витражи парадной лестницы.⁹⁵ В небольшом доме на 14 квартир поселилась в основном интеллигенция.⁹⁶ Юридический и административный таланты Рыбакова оченьгодились при создании кооператива и реконструкции дома. Многие годы Иосиф Израилевич был председателем ЖСК, боролся за погашение банковской ссуды, чтобы дом сохранил статус кооперативного,⁹⁷ и, как вспоминает Ольга Иосифовна, «каждому помогал, чем мог».⁹⁸ Квартиры в доме были для того времени невероятно просторными и удобными. Свою квартиру Рыбаков максимально приспособил под размещение коллекций. Долгие годы Ахматова с удовольствием навещала Рыбаковых в их

гостеприимном, красивом, насыщенном культурой жилище на набережной Невы. Навещала и одна, и – какое-то время – с подружившимся с ними Пуниным, у которого с Иосифом Израилевичем были свои отношения и свои дела: их объединяла любовь к живописи, прежде всего – к современному искусству.

Запись Лукницкого от 10 ноября 1928 года: «К Пунину приходил утром Рыбаков, с повинной головой. Рыбаков знал, что Пунин стал бы ругать устроителя выставки Лебедева в Выборгском Доме Культуры (если б выступил с докладом), выступил под именем Пунина сам и сделал доклад. Аудитория не обнаружила самозванства, и все сошло благополучно для Рыбакова. Пунин узнал об этом, но не счел это возмутительным и даже не ругал Рыбакова».⁹⁹ В «Красной газете» 1928 года было объявление: «7 ноября. Открытие мастерской пролетарских писателей и выставки картин художников Лебедева и Серебряковой, докладчик профессор Бунин» <sic! – О. Р.>.¹⁰⁰

Комментарием к истории с выставками и докладом отчасти могут послужить следующие строки Ольги Иосифовны об отце: «В 1929–1930 годах он, по поручению профессиональных союзов, организовывал выставки художественных произведений – рисунков В. В. Лебедева, живописи З. Е. Серебряковой и фарфоровых фигурок скульптора Н. Я. Данько-Олексенко¹⁰¹ в Домах культуры Ленинграда (Выборгском и Московско-Нарвском)».¹⁰²

Однако у Лукницкого речь идет о событиях 1928 года. Тогда, в конце 1928-го – в 1929 году, состоялась первая в России¹⁰³ и единственная до 1965 года персональная выставка Серебряковой, в 1924 году эмигрировавшей из СССР. На ней демонстрировалось сто работ, выполненных в разных техниках.¹⁰⁴ Тогда же прошла и первая персональная выставка Лебедева: более 350 работ в разных техниках и жанрах.¹⁰⁵ Значительная часть произведений была из коллекции самого Рыбакова.

Что касается фарфоровых статуэток Н. Я. Данько (расписанных в основном Е. Я. Данько), то хотя ее работы выставлялись часто, но и для нее это была первая персональная выставка. Она была не только организована, но и финансово поддержана Рыбаковым (как, нужно полагать, и выставки Серебряковой и Лебедева). «В небольшой комнате Дома культуры Выборгского района в январе 1929 года публике было представлено сто пятьдесят работ мастера. Выставка

успешно работала в течение почти девяти месяцев». ¹⁰⁶ Множество вещей было из собрания Рыбакова – самого полного на тот момент собрания работ Н. Я. Данько, если не считать коллекции музея Ленинградского фарфорового завода. ¹⁰⁷ Рыбакова называют «близким другом скульптора», ¹⁰⁸ «лучшим другом, советчиком», оказавшим влияние на большой период ее жизни. ¹⁰⁹ Отмечают роль Рыбакова в сохранении самого художественного производства на Ленинградском фарфоровом заводе: «Несмотря на успех нового фарфора в Париже на Всемирной художественно-промышленной выставке 1925 года, правительством было принято решение о прекращении художественного производства на заводе. В этот критический момент заметную поддержку художникам и скульпторам оказал юрист и экономист И. И. Рыбаков. Он сумел экономически обосновать выгоду возрождения художественного производства, в первую очередь, раскрыв его валютный потенциал. Опытный юрист помогал художникам завода в составлении бесконечных ходатайств, жалоб, писем, целью которых было сохранение художественного фарфора на ЛФЗ. Именно Рыбаков сумел профессионально доказать, что развитие этого направления жизни завода – выгодное капиталовложение. Решение о закрытии живописного и скульптурного цеха завода было отменено». ¹¹⁰

Выставки Лебедева, Серебряковой и Данько прошли в Выборгском доме культуры. Какие события имела в виду О. И. Рыбакова, говоря о Московско-Нарвском доме культуры и о 1930 годе, неясно.

К 1930-м годам, когда с НЭПом было покончено, доходы Рыбакова и его возможности уменьшились пропорционально объему свобод в стране. В 1930 году писатель К. А. Федин сделал в дневнике красноречивую запись: «Вечером у Рыбакова. Русский фарфор. Живопись. Прекрасно. Хозяин отучает себя говорить – “у меня есть”, вместо этого: “Здесь висит”, “там стоит”. Вряд ли провисит и простоит долго». ¹¹¹ «Папу забирали в <19>31 году в “золотую комнату”, чтобы выжимать из него золото. <...> в золотую камеру, – вспоминает Ольга Иосифовна. – Потом отпустили, но забрали маму. Папа вернулся, а мамы нет дома. Тогда он помылся, побрился и пошел назад. И привел оттуда, с Гороховой, ¹¹² маму. Очень смелый был человек». ¹¹³ Мы не знаем, что именно происходило в «золотой комнате» с Рыбаковым и его женой. Возможные же сценарии таковы.

Первый: «В помещении НКВД есть комната, в которой стоит один стол и два стула. <...> В эту комнату каждый день вызывают именными повестками инженеров, докторов, профессоров, вообще людей, относительно которых можно предполагать, что их заработок выше среднего. Такие люди, если они не проживают сразу своего заработка, скоро начинают понимать, что откладывать на черный день бессмысленно. <...>

Он находит субъекта, который занимается нелегальной покупкой и продажей золотых монет или долларов. Купив золотые десятки, профессор или доктор прячет их самым остроумным способом и думает, что он очень умен. Увы, он ошибается. В один прекрасный день он получает повестку из НКВД. Он приходит туда в 9 утра, и его держат в приемной до часу или до полтретьего. Он голоден и нервничает. Тогда его приглашают из приемной в комнату. За столом сидит плотный человек в сером. Посетителю предлагают стул и его начинают исповедовать. Откуда у вас золотые десятки, нас не интересует. Нас интересуют сами десятки. Рабочее государство окружено врагами. Ему надо быть сильным, и оно нуждается в помощи своих граждан. А некоторые граждане в помощи отказывают... Вот два инженера никак не хотели отдать золотые монеты – и что же? Пришлось их отправить. Так они согласились отдать свои монеты, когда уже находились за Уралом. Умно ли это?

– К тому же при упорстве вы подвергаете неприятностям и вашу жену. Ее придется задержать, а предоставить задержанным большой комфорт мы не можем...

Глеб увидел в приемной Добронравова. Как раз вместе с Добронравовым Глеб купил несколько пятерок у Поповой. Ясно, Попову арестовали, она выдала своих клиентов. Отказываться не к чему, только посадят Олю. Глеб не представил особых затруднений для человека в сером. Монеты пошли на укрепление мощи советского государства, если только не прилипли к рукам агентуры по дороге. Потом оказалось, что гипотеза о допросе Поповой была неправильной». ¹¹⁴

Другие сценарии конца 1920-х – начала 1930-х годов: «...были у ОГПУ и откровенно кровавые методы. Например, “долларовая парилка” или “золотые камеры”: “валютчиков” держали в тюрьме, пока они не скажут, где спрятаны ценности, или родственники из-за

границы не пришлют выкуп – “деньги спасения”.¹¹⁵ Показательные расстрелы “укрывателей валюты и золота”, санкционированные Политбюро, также были в арсенале методов ОГПУ». ¹¹⁶

М. В. Бокариус вспомнила историю, которую ей рассказал М. Д. Ромм. Его отца, друга Рыбакова Д. М. Ромма в 1931 году вызвали в ОГПУ и стали требовать золото. «Но золота в семье не было. Дело было зимой, Давид Матвеевич был в шубе. Его вывели в довольно длинный коридор. В концах коридора встали сотрудники органов и начали по очереди кричать ему: “Ромм, быстрее!” А он должен был бесконечно бегать от одного к другому. Думал, что упадет посередине. Через какое-то время его отпустили. Давид Матвеевич вернулся домой, где остались жена и восьмилетний сын, а в доме – гроб: жена не вынесла ареста мужа. Кажется, у нее было больное сердце. Ее звали Галиной Матвеевной, она закончила Бестужевские курсы, была биологом и прекрасной пианисткой. Давид Матвеевич больше никогда не женился».

«...Золота у нас не было», – утверждает О. И. Рыбакова.¹¹⁷ Но, возможно, Рыбаков что-то отдал чекистам.¹¹⁸ Освободиться же и освободить жену ему главным образом помогли – не в первый раз – юридические знания и опыт арестов, твердость и дар убеждения. «Он умел с ними разговаривать», – считает Ж. Б. Рыбакова; то же говорили М. В. Бокариус те, кто с ним дружил.

Чекистам Иосиф Израилевич ничего отдавать не желал. Зато делал драгоценные дары музеям. Так, Русскому музею он подарил «Портрет неизвестной» Ф. С. Рокотова.

Ахматова хорошо знала и ценила собрание Рыбаковых, в котором, между прочим, хранились (и хранятся) ее собственные изображения работы замечательных мастеров.

Во-первых, это изделия из фарфора Натальи Данько. Прежде всего надо назвать знаменитую статуэтку (1924), расписанную Еленой Данько. Известно, что все экземпляры статуэтки были расписаны по-разному; тот экземпляр из первого тиража, который находится в доме Рыбаковых, – утонченный и одновременно нарядный: на Ахматовой платье «в цветочек» (ср. ее фотографию 1924 года, сделанную на наб. Фонтанки, д. 2, фотограф Г. К. Кириллов). Также в коллекции Рыбаковых находится статуэтка-шарж на Ахматову (1926, бисквит¹¹⁹), отсылающая к фарфоровому первообразу 1924

года, две камеи с ахматовским профилем (1924, бисквит) и маленький бронзовый бюст Ахматовой 1925 года.¹²⁰

Во-вторых, рыбаковская коллекция включает в себя ряд графических работ разных художников.¹²¹

Это рисунок Натана Альтмана – иллюстрация 1914 года к стихотворению Ахматовой «Божий ангел, зимним утром...» (тушь, черный карандаш). Женскую фигуру на фоне зимнего Петербурга условно можно считать ахматовской.

Это акварельный эскиз 1922 года к ахматовскому портрету, выполненному Кузьмой Петровым-Водкиным. На обороте картонной подложки – автограф: «Рисовал меня К. С. Петров-Водкин весной 1922. / А. Ахматова».

Нужно сказать о хорошей копии портрета Ахматовой работы Льва Бруни (акварель, 1922). Копия выполнена Гертой Неменовой (акварель, белила).

Также в коллекции есть силуэт Ахматовой работы Нины Коган, наклеенный художницей на черный фон, который сделан на обороте фрагмента карты (1930-е, тушь, аппликация). Характер бумаги объясняется не особой концепцией работы, а тем, что такой материал попался художнице под руку.

И, наконец, у Рыбаковых находится портрет Ахматовой работы Александра Тышлера (карандаш) – один из лучших в ахматовской серии, созданной им в 1943 году в Ташкенте.

К сожалению, неизвестна история поступления этих работ в собрание Рыбаковых: что было куплено, а что подарено художником или самой Ахматовой. С уверенностью можно утверждать лишь, что рисунок Тышлера – подарок Лидии Яковлевне и Ольге Иосифовне от вернувшейся из эвакуации Ахматовой (создателя коллекции уже не было в живых). Жена Тышлера Ф. Я. Сыркина, которая была с ним в Ташкенте, пишет о серии рисунков, созданных за один сеанс: «Почти все, которые посчитал лучшими, тут же после сеанса отдал Ахматовой <...>, а она потом одаривала этими драгоценными листами своих друзей».¹²²

Отголоском не слабеющей, а, напротив, углубляющейся связи с семьей Рыбаковых являются многочисленные ахматовские дарственные надписи 1930-х годов.

На своей статье «Последняя сказка Пушкина» в журнале «Звез-

да» (1933. № 1) Ахматова написала: «Милым Рыбаковым / в знак дружбы». Вместо подписи она поставила стрелку, указывающую на напечатанную фамилию.¹²³

На своем портрете – фрагменте фотографии с Судейкиной (Фон-танка, 2. 1924. Фотограф Г. К. Кириллов) – Ахматова написала: «Милым Рыбаковым / от их друга / Ахматовой. / 18 июня 1933».¹²⁴

На книге «Писем» П. П. Рубенса (М.; Л., 1933): «Милым Рыбаковым / в знак дружбы / от переводчицы. / 19 марта 1934».¹²⁵

В день своего рождения на статье «“Адольф” Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина» (Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1936): «Милым Рыбаковым / с великим смущением – / Анна. / 23 июня 1936». «Великое смущение» связано, вероятно, с тем, что статья была напечатана в профессиональном издании, а это было время великих пушкинистов, и Ахматова сознавала уязвимость своего положения: «Адольф» был лишь второй ее пушкинской публикацией. Однако, занимаясь Пушкиным, Ахматова консультировалась с крупнейшими специалистами. С некоторыми из них она дружила. И пушкинисты с уважением относились к ее работам, о чем говорит, например, инскрипт Б. В Томашевского на пушкинском издании, вышедшем под его редакцией: «Анне Андреевне Ахматовой – лучшему знатоку Пушкина. 30 ноября 1955 г.».¹²⁶

На странице журнала «Звезда» (1936. № 7) со своим переводом стихотворения армянского поэта Даниела Варужана «Первый грех» Анна Андреевна написала: «Милым Рыбаковым / мой первый грех. / Ахматова. / 16 сент. 1936».¹²⁷ Она не любила переводить стихи, считала это нетворческим для поэта занятием,¹²⁸ говорила, что переводить и писать свое одновременно немислимо,¹²⁹ что переводить – «это все равно что есть собственный мозг».¹³⁰ Долгие годы она отказывалась от заказных поэтических переводов, а когда стала заниматься этой работой, относилась к ней как к поденщине, способу избавления от нищеты, поэтому ее переводы не были шедеврами. Стихотворение Варужана стало едва ли не первой публикацией стихотворного перевода, выполненного ею на заказ,¹³¹ отсюда и каламбур.¹³²

11 февраля 1937 года Ахматову из-за плохого самочувствия положили в Куйбышевскую (до революции и в постсоветское время – Мариинскую) больницу для обследования.¹³³ Выписали ее с заключением: «Базедова болезнь в стадии активации <...> и хронический

туберкулез легких». ¹³⁴ Среди тех, кто заботился о ней в больничный период, были Рыбаковы, о чем говорят ее надписи на фотографиях. На обороте профильного изображения Ахматовой с шалью, в рост, у окна (место и дата неизвестны): «Тем, кто не / забывал меня / в больнице – / милым Рыбаковым / Ахматова. / 12 марта 37 г.». Две другие фотографии сделаны одновременно – в 1930-е годы, в квартире Н. Я. Данько. ¹³⁵ На одной, где Ахматова сидит у стола, на котором стоят цветы в бокале и фарфоровая статуэтка, на обороте написано: «Моему доброму другу / Лидии Яковлевне / Рыбаковой / с лучшими пожеланиями / Анна. 12 марта 1937». На другой Ахматова в той же комнате, снятой в другом ракурсе; надпись на обороте: «Милому Осипу Израилевичу / Рыбакову / в день / возвращения / из / моих больниц / дружески / Ахматова. / 12 марта 1937». ¹³⁶ К чуть более позднему времени относится инскрипт под известной ахматовской фотографией, сделанной в Старках у Шервинских Л. В. Горнунгом 18 июля 1936 года: «Лидии Яковлевне Рыбаковой / в знак / дружбы и уважения от Ахматовой / 3 мая 1937». ¹³⁷

В конце 1930-х годов Рыбаков продолжал заботиться об Ахматовой не менее горячо, чем в середине 1920-х годов. Пунин пишет Ахматовой 24 мая 1937 года из Ленинграда в Москву, куда она поехала навестить вернувшегося из ссылки Мандельштама и уладить некоторые свои дела: «Твои телеграммы получил, но вторая запоздала на полчаса: О<сип> И<зраилевич> с таким неистовством понесся в Собес, что мой звонок опоздал, он с полчаса как ушел. На всякий случай посылаю тебе его записку. <...> Писем тебе нет, кроме открытки из Собеса с просьбой представить удостоверение о болезни и зароботке. Подождут...» ¹³⁸ Телеграммы Ахматовой и хлопоты Рыбакова были связаны с тем, что в конце 1936 года Анне Андреевне отменили персональную пенсию, – нужно было добиться ее возобновления. ¹³⁹ О характере хлопот говорит письмо Рыбакова К. А. Федину от 15 августа 1937 года:

Дорогой Константин Александрович!

С очень большим опозданием сообщая вам сведения о деле Анны Андреевны.

Еще 29/VII я передал в собес акт врачебной экспертизы с признанием А.А. нетрудоспособной и справку ЖАКТа о том, что А.А. находится на

иждивении сына. Эти документы, вернее, требуемые сведения нужны были Московскому собесу (Хрустальный, 1).

Миша мне вчера сказал, что Вы собираетесь в Париж. Имейте в виду, что если до Парижа не устроите А.А., то от Парижа не будет вам никакой утехы, испортите все удовольствие. Совесть замучит.

Сердечный привет.

Ваш И. Рыбаков¹⁴⁰

Пенсия на какое-то время была возвращена: 9 сентября 1937 года Ахматовой выдали книжку персонального пенсионера республиканского значения.¹⁴¹

Ахматова по-прежнему время от времени приходила к Рыбаковым на обед. Благодаря воспоминаниям театроведа В. Я. Виленкина мы располагаем яркой, почти ослепительной картиной одного такого обеда, не рядового – парадного, когда Иосиф Израилевич, в скудное для большинства время, мог поразить своих гостей, особенно новых, приемом и коллекцией. Виленкин пишет о знакомстве с Ахматовой в июне 1938 года, когда он в качестве секретаря В. И. Качалова оказался в Ленинграде вместе с приехавшим на гастроли Художественным театром¹⁴²; артист театра В. А. Вербицкий, приглашенный на воскресный обед к Рыбаковым, попросил пригласить и Виленкина: «Мы были приглашены к известному ленинградскому любителю искусства и коллекционеру И. И. Рыбакову, по профессии юристу, с которым дружили <...> многие <...> крупнейшие художники. Жил он с женой и дочерью в огромной квартире¹⁴³ <...> Картины встретили нас уже на площадке лестницы. В комнатах они занимали все стены, и чего-чего тут только не было, начиная с живописи XVIII века и кончая “Миром искусства”. В одной из комнат находилась целая коллекция старинных икон, только их почему-то было плохо видно, да и некогда было их сейчас разглядывать, хозяева приглашали прийти для этого специально. Но, пожалуй, самое замечательное из того, что я увидел в этом доме-музее, был фарфор, богатейшее, первоклассное, изысканное собрание русских фарфоровых изделий XVIII и XIX века. Одни только статуэтки Императорского завода, Гарднера и Попова занимали сверху донизу целые шкафы; на розыски и собиранье их по разным городам России Рыбаков потратил многие годы.

Мы с Вербицким пришли первыми и рассматривали все эти сокровища, когда в передней раздался звонок...

Ахматова вошла в столовую, и мы встали ей навстречу. Первое, что запомнилось, – это ощущение легкости маленькой узкой руки, протянутой явно не для пожатия, но при этом удивительно просто, совсем не по-дамски. Сначала мне померещилось, что она в чем-то очень нарядном, но то, что я принял было за оригинальное выходное платье, оказалось черным шелковым халатом с какими-то вышитыми белыми драконами, и притом очень стареньким – шелк кое-где уже заметно посекея и пополз.

Анну Андреевну усадили во главе стола, и начался обед, роскошный, с деликатесами и сюрпризами, очевидно, тщательно продуманный во всех деталях. Одна только сервировка чего стоила! Для закусок – тарелки из киевского стариннейшего фаянса, суп разливали не то в “старый севр”, не то в “старый сакс”, водку и вина пили из “императорского” хрусталя. Анна Андреевна попросила налить ей водки, что, помнится, очень меня поразило. Но от водки в ней ничего не менялось к худшему. В этом своем странноватом халате она, по-видимому, чувствовала себя среди нас, парадно-визитных, как в самом элегантном туалете. Больше того, что-то царственное, как бы поверх нас существующее и в то же время лишенное малейшего высокомерия сквозило в каждом ее жесте, в каждом повороте головы.

Разговоров всех уже не помню, но когда речь зашла о поэзии и стали называть разных поэтов, чтобы услышать ее мнение о них, помню, что она очень поддержала что-то хорошее, сказанное о Луговском, а о Багрицком отозвалась холодно, отчужденно.

После обеда Вербицкого стали просить что-нибудь почитать, и читал он довольно долго: большие куски из “Пиковой дамы”. Анна Андреевна слушала внимательно и терпеливо; хвалила и благодарила артиста вместе со всеми, но сдержанно. Вербицкий, кажется, сам не рад был, что затянул, и смотрел на Анну Андреевну виноватыми глазами. Да и мы все смотрели на нее в ожидании и надежде, не решаясь ее просить читать, но она тут же сказала сама, как-то полупросом: “Ну что же, теперь я почитаю?”

Она не отодвинулась от обеденного стола, не изменила позы – словом, ничем не обозначила начала. Я только увидел, как кровь прилила у нее к щекам с первой же строчкой: “Я пью за разоренный дом...” Это был “Последний тост”, тогда еще нигде не напечатанный. Потом, почти без паузы, она прочитала “От тебя я сердце

скрыла, словно бросила в Неву...». И еще одно стихотворение, 20-х годов, тогда же затерявшееся, как она сказала, в каком-то журнале:¹⁴⁴ «Многим». <...> Больше она ничего не захотела читать, словно исчерпав нечто заранее решенное или сейчас для нее возможное, и было ясно, что просить бесполезно.

Как она читала? Негромко, мерно, но с осязаемым биением крови под внешним покоем ритма. Ничего не подчеркивая – ни стиха, ни строфы, ни одного отдельного слова, ни одной интонации, так что каждое стихотворение выливалось как бы само собой, на едином дыхании, но каждое – на своем дыхании, в своей особой мелодике. Ближе всего из того, что мне приходилось слышать из авторских чтений, это было, пожалуй, к фонографической записи Блока.

Встав из-за стола, все опять занялись рассматриванием коллекций. Раскрывались одна за другой какие-то толстые картонные папки с рисунками; на полированном красном дереве теснились бесчисленные фарфоровые собачки всевозможных пород; пестрели изысканными букетами и миниатюрами богато золоченные чашки. Принесли и «ахматовскую иконографию». Когда Анна Андреевна брала в руки то маленькую камею со своим изображением, то «статуэтку Ахматовой» работы Наталии Данько, то какой-нибудь уникальный графический портрет, с полным равнодушием кладя потом эти вещи обратно в «коллекцию», – все это наше занятие со стороны могло бы, вероятно, показаться каким-то очень странным парадоксом. Тогда мы не знали, что вот такую же «статуэтку Ахматовой», чудом сохранившуюся у нее, она не так давно продала, чтобы на эти деньги съездить в Москву, повидаться с Осипом Мандельштамом, самым близким ей поэтом. Ее купила С. А. Толстая для музея Союза писателей.¹⁴⁵ Не знали мы тогда, вернее, еще не успели узнать, что сын Ахматовой и Гумилева «сидел на Шпалерной уже два месяца», как сказано в ее позднейших воспоминаниях.¹⁴⁶

Анна Андреевна собралась уходить. В передней кто-то из нас снял с вешалки и подал ей старенький макинтош – так тогда называли прорезиненное непромокаемое пальто, – и она подошла к зеркалу, чтобы надеть шляпу. Я вызвался ее проводить и у подъезда попросил ее подождать, пока сбегая за машиной. Она удивленно подняла брови: «А вы уверены, что мне необходима машина? Пойдемте лучше пешком, я вас проведу через Летний сад, хотите?»»

Описанный Виленкиным обед стал последней или одной из последних встреч Ахматовой и Рыбакова: 6 июля 1938 года его арестовали.¹⁴⁷

***

Он предвидел и заранее обдумал такую возможность. Иначе невозможно объяснить разумную четкость его поведения: «...Лавренев¹⁴⁸, наш тогдашний председатель, – пишет Ольга Иосифовна, – оформил меня по папиному заявлению, написанному в час ареста, членом ЖСК». ¹⁴⁹ Таким образом Рыбаков позаботился о том, чтобы квартира осталась за семьей.

Дочь полагала, что на него был написан донос, причем из их дома: существовали люди, которые не хотели вносить деньги на погашение банковской ссуды за дом, а кто-то «предполагал попользоваться вещами и художественными ценностями в случае высылки семьи Рыбаковых». ¹⁵⁰ Но в деле ни одного доноса нет.

«Рыбаков был на учете НКВД и потому автоматически был арестован во время массовой карательной кампании, – считает А. Я. Разумов. – Для подготовки обвинительных заключений в делах должны были быть перекрестные показания одних несчастных на других (сочиненные и записанные следователями). И лучше всего – показания уже мертвых».

Так, в предписании на арест от 3 июля Рыбакову вменяется «разведывательная работа в пользу французской разведки», поскольку «арестованный в 1931 г. ЗАК ГПУ б. князь АНДРОННИКОВ ЯССА <sic! – О. Р.>¹⁵¹ НИКОЛАЕВИЧ и сознавшийся, что является агентом французской разведки, показал, что:

“он получал деньги, присылаемые ему из Парижа от РЫБАКОВА И. И., работавшего тогда в одной из контор г. Ленинграда, являвшейся резидентурой французской разведки и имел встречи с РЫБАКОВЫМ И. И.”

В 1925 г. РЫБАКОВ И. И. вместе со своей женой официально выезжал в Англию, где продолжительное время гостил у родственника жены, находящегося в эмиграции ГАЛЬПЕРН Александра Яковлевича, управделами б. правительства Керенского, и поддерживает с ним связь до сего времени.

РЫБАКОВ И. И. имел тесную связь с известной французской разведчицей ЖАНЭ Ирмой Альфредовной.

Неоднократно арестовывался органами ВЧК ОГПУ по подозрению в участии в к-р¹⁵² восстании в б. Тамбовской губернии за орг. связь с меньшевиками и проведение к-р меньшевистской работы.

До революции состоял членом Российской соц.-демокр. партии меньшевиков».

Яссе Николаевич Андроников (1893–1937) – родной брат С. Н. Гальперн (Андрониковой), поэт, актер и театральный режиссер. Участвовал в боях за Грузию против Красной армии. Подвергался арестам. По воспоминаниям другой его родной сестры, М. И. Андрониковой, в 1929 году приехал из Москвы в Грузию. Там, по рекомендации Саломеи, с ним встретился путешествовавший по Советскому Союзу издатель Вожель.

Вожель был настроен прокоммунистически и просоветски. По показаниям И. Э. Бабеля, данным им в заключении в 1939 году, Вожель «с штатом сотрудников» был в Советском Союзе «для составления номера журнала “Вю”, посвященного СССР».¹⁵³ О том же говорится в подробной «архивной справке» о Вожеле, составленной 2 марта 1965 года и находящейся в деле Рыбакова среди документов, способствовавших его реабилитации: «Французская контрразведка считала ВОЖЕЛЯ одним из “главных советских агентов во Франции”. <...> В 1931 г. ВОЖЕЛЬ организовал большой репортаж, посвященный Советскому Союзу, о его промышленности и торговой жизни. <...> лица, сопровождавшие ВОЖЕЛЯ в его поездке по СССР».¹⁵⁴

На следующий день после встречи с Вожелем Яссе Андроников был арестован по подозрению в шпионаже. В 1932 году его осудили на 10 лет концлагеря. Отбывал срок в Карлаге и на Соловках. Расстрелян в Медвежьегорске (урочище Сандармох) 27 октября 1937 года по приговору Ленинградской тройки НКВД. Ко времени ареста Рыбакова он давно был учтен в Ленинграде и Москве как расстрелянный.¹⁵⁵

Рыбакова тоже обвиняли по статье о шпионаже (58-6).

В протоколе допроса от 7 июля фигурируют вопросы о поездках за границу.¹⁵⁶ Спрашивали и о Гальперне, в частности, чем занимается Гальперн «в настоящее время».

«Ответ: Этого я не знаю, так <как> в переписке с ним не состою со времени налета на Аркас (торгпредство), кажется, в 1927–28 гг.»¹⁵⁷

Вопрос: С кем из иноподданных вы имели встречи на территории СССР?

Ответ: Не помню, в каком году¹⁵⁸ <...> ко мне позвонил по телефону редактор журналов “Лю” и “Вю” Вожелъ Люсьен, после чего он посетил меня на квартире». Рыбаков рассказал об обмене библиофильскими подарками и о том, что из Франции ему стали регулярно приходить журналы «Лю» и «Вю».

На вопрос, с кем еще из «иноподданных» он общался в Советском Союзе, Рыбаков ответил: «С другими иноподданными я встреч не имел. Уточняя, что из проживающих в Ленинграде иноподданных я имел встречи с француженкой, преподававшей французский язык моей дочери Ольге Иосифовне Рыбаковой Жанэ Ирмой».

На вопрос о знакомстве с Вожелем Рыбаков сказал, что видел его в Париже один раз, в гостях у Гальперна.

«Вопрос: О чем у вас были разговоры с Вожелем во время вашей встречи с ним в Ленинграде?»

Ответ: Вожелъ расспрашивал меня, в чем выражается моя служба и об особенностях нового социалистического строя, интересных для него как для журналиста. С помощью моей жены, лучше меня владеющей французским языком, я ему подробно рассказывал о принципах соцсоревнования и об организации хозрасчетных бригад – этим делом я тогда увлекался и написал об этом книгу. <...>

Вопрос: Бывая за границей, вы получали от кого-либо какие <-нибудь> поручения?

Ответ: Нет, за исключением просьбы жены Гальперн Саломеи передать ее брату Яссе Андроникову носильные вещи: кожаные туфли, еще что-то, не помню. Кроме того, Саломея просила меня оставить себе ее серебряные ложки и чайный сервиз, бывший у меня в Ленинграде, и за это просила посылать в Тифлис деньги ее матери Андрониковой, что я и выполнил. <...> Через несколько месяцев после моего приезда из-за границы у меня была командировка в Москву, где я разыскал Андроникова и передал ему вещи. До тех пор и после этого с Андрониковым я не встречался».

В показаниях Яссе, а также в свидетельских показаниях его матери Лидии Николаевны Андрониковой (1861–1953, урожд. Плещеевой, племянницы поэта А. Н. Плещеева) эти факты искажены. Кроме того, «Андроников Я. Н. и его мать Лидия характеризовали пред-

приятие Рыбакова как фиктивное и шпионское». ¹⁵⁹ Но не эти давние показания (скорее всего, искаженные следователем) сыграли роль в судьбе Рыбакова, а просто логика Большого террора.

Рыбакова спрашивали о давних арестах советского времени, о партийной принадлежности до революции. Он отвечал: «...меня освободили без предъявления обвинения, под стражей я находился недолго»; «До революции я разделял взгляды меньшевиков, после революции я ни к каким партиям не примыкал. О том, что порвал всякую связь с меньшевиками, опубликовано в письме в редакцию “Ленинградская правда”». ¹⁶⁰

Вопрос: Следствие располагает точными данными о том, что вы на протяжении долгого времени вели преступную деятельность против Советской власти. Расскажите об этом.

Ответ: Преступной деятельности против Сов. власти я <не> проводил.

Вопрос: Вы пытаетесь скрыть <...> в распоряжении следствия имеется достаточно материалов о всей вашей преступной работе как агента разведки. Требуем от Вас правдивых показаний по существу.

Ответ: Я это категорически отрицаю. Агентом иностранной разведки я никогда не был».

Ни протокол этого допроса, ни протоколы последующих допросов (от 20 июля, 25 августа и 29 августа) не содержат ни малейшего следа самоговора или оговора кого-либо из тех, о ком идет речь. На требование: «Назовите лиц, с которыми вы были тесно связаны», – Рыбаков называет имена тех, с кем действительно постоянно общался, добавляя: «хирург», «художник», «писатель» – и более ни слова. Имени Ахматовой в этом перечне нет.

В конце каждой строки показаний Рыбакова, если запись не занимает ее до конца, стоит прочерк, чтобы следователь не мог задним числом ничего туда вписать. Это характерно отнюдь не для всех протоколов того времени. Внизу каждой страницы, как положено, стоит подпись Рыбакова, означающая, что текст им прочитан, проверен – и эта подпись нигде не теряет своей твердости и характерности, как бывало в протоколах тех, кого истязали. ¹⁶¹

Рыбаков подробно рассказывает о своей революционной работе до Октября 1917 года. На обвинение в том, что в 1907 году его выпустили из тюрьмы «для освещения политохранке революционной

деятельности большевистской партии», во время допроса 25 августа он отвечает: «Я это категорически отрицаю».

29 августа, если дата верна, Рыбакову предъявили расхождения со свидетельскими показаниями Ольги Иосифовны. Ее допросили 27-го. Ответы ее были достойными, но несовпадений в показаниях отца и дочери оказалось много. Пример:

«Вопрос: В доказательство вашей неискренности вам зачитываются показания вашей дочери Рыбаковой Ольги, в той части, где она говорит, что Вожель посещал квартиру Саломеи очень часто и вы всегда при этом присутствовали. Теперь вы намерены говорить правду?»

Ответ: Я это отрицаю».

Каково было отцу узнать, что дочь допрашивают? Кроме того, Рыбакову зачитывали показания Я. Н. Андроникова и его матери (не сообщая, конечно, что Андроников расстрелян).

Впервые его ловили на противоречиях, и ему приходилось объясняться по этому поводу. И все же он гнул свою линию.

Вывод А. Я. Разумова: Рыбакова готовили к расстрелу.¹⁶²

Протоколов допросов, датированных позднее 29 августа, в деле Рыбакова нет. Хотя был, по крайней мере, еще один допрос – с 7 на 8 сентября 1938 года. О его результатах говорит рапорт:

Начальнику Лентюрьмы
УГБ

Рапорт

8-го сентября <в> 0 ч. 15 мин. 1938 г. была вызвана в кабинет № 6 к л/с <sic! – О. Р.>¹⁶³ Рыбакову (I-244). Последний находился в полусидячем положении на стуле, без всяких признаков жизни. Похолодевший, лицо бледно, глаза и рот полуоткрыты. Пульс не прощупывался, тоны сердца не прослушивались. Зрачки совершенно не реагировали.

Произведенные медицинские мероприятия никакого результата не дали.

Смерть л/с Рыбакова последовала, по-видимому, скоростижно, вследствие паралича сердца.

Деж. врач <нрзб.>

По словам А. Я. Разумова, «многие умерли в тюрьме в 1937–1938 от болезней, побоев, покончили самоубийством и даже при насильственном кормлении при голодовке».¹⁶⁴ Но случай Рыбакова особый. Легенду о его гибели, подтверждением которой стал рапорт тюремного дежурного врача, рассказала мне М. В. Бокариус, ей – М. Д. Ромм, ему – его отец Д. М. Ромм, друживший с Рыбаковым, а Д. М. Ромму – некий работник органов, свидетель происшедшего. Вот рассказ М. В. Бокариус. Рыбаков как юрист хорошо знал, что после вынесения ему приговора семью вышлют из Ленинграда и произойдет конфискация имущества, в том числе и коллекции. Он был человек гигантской силы, во время допроса схватил со стола следователя пресс-папье и замахнулся или даже ударил по голове того, кто его допрашивал, после чего его сразу убили (не расстреляли, а, видимо, забили) в том же кабинете. Рыбаков пошел на это сознательно: ему не успели вынести приговор, следовательно, семью не сослали. Не было и конфискации имущества, так он обеспечил своей семье средства на дальнейшую жизнь. Дело было замято.¹⁶⁵ По данным А. Я. Разумова, умерших в тюрьме тайно хоронили на Богословском кладбище.

Рыбаков погиб в Большом Доме, построенном на месте здания Окружного суда, где он когда-то защищал людей как адвокат и откуда вынес из пламени портреты знаменитых юристов. Погиб, спасая свою семью.

Двадцать седьмым октября 1938 года помечено постановление: в связи с тем, что 8 сентября 1938 года, находясь в тюрьме, Рыбаков умер от паралича сердца, «следственное дело № 55 471–1938 года <...> прекратить и сдать в архив...».

Хотя жена и дочь прикладывали все усилия, чтобы узнать судьбу Иосифа Израилевича, о его смерти им сообщили нескоро. О. И. Рыбакова пишет в воспоминаниях: «Умер он под следствием, ничего не подписав, и своей “своевременной” смертью спас семью, т. к. в это время сняли Ежова, а Берия делал вид, что восстанавливает законность, так что нас с мамой чудом не выслали. Может быть, сыграло роль, что мама спустя пять месяцев содержания отца под следствием без права передач писала Вышинскому, тогдашнему генеральному прокурору, думая, что он помнит И. И. Рыбакова, т. е. моего отца, еще по революционной подпольной работе, т. к. отец, кажется, встречался с Вышинским и другими еще в Киеве. Может быть, это не имело

значения, но мама надеялась, что ее обращение к генеральному прокурору поможет облегчить тюремный режим отца. И вот ответ – ей, наконец, 3 февраля 1939 года сообщили, что подследственный, или обвиняемый, как тогда писали, <...> скончался».¹⁶⁶

Из этого рассказа видно, что какие-то смутные сведения о том, что произошло с ее отцом, до Ольги Иосифовны дошли, но не более того. А Лидия Яковлевна до конца жизни считала, что И. И. Рыбаков умер 8 октября 1938 года от воспаления легких. Это было указано в выданном семье 25 февраля 1939 года свидетельстве о его смерти. Видно, «органам» воспаление легких казалось невиннее паралича сердца, который тоже был эвфемизмом. А 8 октября вместо 8 сентября, скорее всего, возникло по небрежности: в бумагах дела множество ошибок и нестыковок. Жозефина Борисовна узнала подлинную дату и причину смерти деда только в 2019 году – из рассказа М. В. Бокариус и документов, предоставленных А. Я. Разумовым. По ее словам, обстоятельства ареста Иосифа Израилевича в семье не обсуждали. «Бабушка мало говорила о дед: рана кровоточила. Мама рассказывала и Анна Яковлевна – жена Головина, совсем простая женщина, она деда боготворила».

В домашнем архиве Рыбаковых хранится справка – «свидетельство» от 26 апреля 1939 года, в котором указывается, что «жена и дочь умершего» являются наследницами имущества гражданина Рыбакова «в равных долях».

К делу 1938 года приложены документы 1965 года, свидетельствующие о хлопотах О. И. Рыбаковой о реабилитации отца. В результате этих хлопот семье была выдана справка о реабилитации, датированная 13 марта 1965 года. В постановлении от 8 марта 1965 года о прекращении дела («РЫБАКОВ был арестован без достаточных к тому оснований») дата смерти указана правильно, а причины смерти нет, сказано лишь: «умер во время допроса».

После того, как 3 февраля 1939 года Лидия Яковлевна и Ольга Иосифовна узнали о смерти И. И. Рыбакова, они сообщили об этом друзьям семьи. В доме сохранилось несколько писем сочувствия – от тех, кто находился в это время не в Ленинграде или был болен и не мог их навестить. Письма были посланы по почте, что, как и посещение семьи репрессированного, было связано с риском. Это письмо от детской писательницы Е. Н. Верейской – первой жены ху-

дожника Г. С. Верейского, с которым Рыбаков был издавна дружен; от художника А. Г. Тышлера; от пианистки Т. С. Салтыковой – аккомпаниатора певицы З. П. Лодий; письма от художника Н. И. Альтмана и его жены И. В. Щеголевой. Альтман писал:

Москва
20 февраля 39 г.

Дорогие Лидия Яковлевна и Олечка,
мне переслали ваше письмо. Известие о смерти Иосифа Израилевича свалилось огромной каменной тяжестью на мои плечи. Я так был уверен, что скоро мы увидим его, мне даже снилось, что он дома. Я ясно вижу его светлые глаза, его благородную восторженность перед образцами человеческого гения; так не укладывается все это с мыслью о смерти. Я очень жалею, что нахожусь далеко и не могу теплым человеческим рукопожатием выразить всю свою боль и пожелать вам бодрости и сил.

Большое вам спасибо за китайские картины – это будет поистине драгоценной памятью об Иосифе Израилевиче и о любви, которой мы оба предавались.¹⁶⁷

Крепко обнимаю вас.

Нат<ан> Альтман.

А Щеголева закончила свое письмо Л. Я. Рыбаковой словами: «В Лен<ингра>д мы вернемся в марте и немедленно навестим Вас».

***

После известия о смерти мужа Лидия Яковлевна занялась, насколько это было возможно, увековечиванием его памяти: созданием иллюстрированного каталога его собрания. Прежде всего, перевела в машинопись его черновые записи о коллекции. В доме и сейчас хранится папка с надписью «Собрание И. И. Рыбакова», в ней – машинописный перечень икон XV–XVII веков, перечень живописных и графических работ и черно-белые фотографии вещей. Сохранилась также папка с рукописью незаконченной книги о собрании фарфора, которую Рыбаков писал до ареста: обширный аннотированный каталог предметов. По словам Ж. Б. Рыбаковой, Лидия Яковлевна работала над этими материалами с Э. Ф. Голлербахом, которого в свое время объединяли с Рыбаковым коллекционерские интересы. Он и после смерти Иосифа Израилевича часто бывал у Рыбаковых. Эрих

Федорович Голлербах (1895–1942) – искусствовед, художественный и литературный критик, коллекционер и библиофил, прозаик, поэт и художник. В семейном архиве находится газета «Советское искусство» за 9 января 1940 года, на с. 4 которой помещена небольшая статья с подписью «Э. Г.»: «Ленинградские художественные коллекции. Собрание И. И. Рыбакова». Статья содержит характеристику коллекции «товарища Рыбакова», прежде всего, ее мирискуснической части. В семье есть также машинопись и фотокопия короткого текста, опубликованного 10 февраля 1940 года в журнале «Огонек»¹⁶⁸: «Коллекция любителя. Собрание И. И. Рыбакова». В заметке, подписанной «Э. Г.», бегло охарактеризованы главные составляющие коллекции: живопись, графика, фарфор. Удивительно, что удалось протащить в печать имя убитого властями собирателя. О его судьбе в текстах, конечно, не сказано ни слова, но в «Советском искусстве» даны даты жизни: 1880–1938 (вторая дата говорит сама за себя). В «Огоньке» дат жизни нет, но сообщено, что ныне коллекция принадлежит Л. Я. Рыбаковой.

Есть в архиве Рыбаковых и полная версия статьи Голлербаха, выжимки из которой появились в «Огоньке» и «Советском искусстве». Статья называется «Собрание И. И. Рыбакова». Приведу фрагменты из нее:

«Коллекция картин и фарфора, составленная Иосифом Израилевичем РЫБАКОВЫМ (1880–1938), является одним из самых больших и содержательных частных собраний в СССР. Весьма разнообразная по своему составу, отражающая субъективные вкусы собирателя, <...> она все же дает наглядное понятие о целой полосе русской художественной жизни, связанной с группой “Мир искусства”».

<...> В собрании И. И. Рыбакова работы художников “Мира искусства” составляют <...> “правое” крыло коллекции, в которой довольно видное место принадлежит мастерам “левого” направления. <...>

Для того, кто собирает произведения современной живописи, интересна не только продукция художников, но и художественная среда. Знакомство с творческой индивидуальностью художника углубляется при личном общении с ним. В этом плане надо отметить дружеские связи И. И. Рыбакова с художниками, творчество которых хорошо

представлено в его собрании, – например, с *А. Я. Головиным, В. В. Лебедевым, А. Е. Карёвым, Г. С. Верейским, Н. И. Альтманом и др.*

Похоже на то, что коллекционерство было призванием И. И. Рыбакова: об этом говорит определенность его пристрастий <...> и неистощимая способность увлекаться. <...>

Обозревая собрание И. И. Рыбакова, чувствуешь прежде всего, какая огромная энергия была вложена владельцем в составление этой коллекции или, точнее, нескольких коллекций различных типов. <...> Мало того, что собиратель готов приносить материальные жертвы на “алтарь Аполлона”: он должен обладать знаниями, выдержкой, терпением, умением разбираться в вещах, опознавать их значение. <...>

Рыбаков обладал умением видеть и хорошим вкусом. Как у каждого собирателя, у него могли быть отдельные ошибки и промахи, но <...> У него было чутье к талантливости и одаренности. Он иногда интуитивно догадывался о художественной ценности таких вещей, мимо которых другие проходили равнодушно. Отсюда нередкие удачи в его коллекционерской практике, вызывавшие у менее счастливых собирателей “благородную зависть”.

На первом месте в собрании И. И. Рыбакова надо поставить произведения *А. Я. Головина*. <...>

Широко представлено жизнелюбивое творчество *З. Е. Серебряковой*. Перед нами ряд таких произведений ее, как “Спящая” (крестьянка, отдыхающая в поле), <...> автопортрет художницы, <...> портреты *Л. Я. и О. И. Рыбаковых и др.*».

Голлербах перечисляет и описывает работы *В. А. Серова, К. А. Коровина, Б. М. Кустодиева, К. А. Сомова* (по поводу этюда «Купальщицы» пишет: «По мнению *С. П. Яремича, Сомов* “ни разу не подымался выше этой вещи”. В самом деле, миниатюрный эскизный пейзаж, оживленный фигурками купальщиц, подкупает своей живой непосредственностью, элегантно небрежностью мазка...»). Голлербах говорит о *Л. С. Баксте, К. С. Петрове-Водкине, Н. Н. Сапунове, С. Ю. Судейкине*.¹⁶⁹ Из «левых» пишет о *В. В. Лебедеве, А. Е. Карёве, Н. И. Альтмане, А. Г. Тышлере*, об «экстравагантном» *М. З. Шагале*,¹⁷⁰ о *Д. Д. Бурлюке*. Называет много других знаменитых имен.

«Из произведений скульптуры отметим мраморную голову ра-

боты С. Т. Конёнкова, женскую фигуру работы Сарры Лебедевой (бронза), бюст Анны Ахматовой работы Н. Я. Данько (уникальная бронзовая отливка) и две скульптуры А. Т. Матвеева – женщина (мрамор) и мальчики (бронза)»).

Голлербах упоминает «искусство старых мастеров» (Рокотов и др.) и «исключительно богатый подбор французских литографий: особенно полно отражено в этом подборе творчество Домье и Гаварни. Из произведений позднейшей эпохи здесь имеются редкие литографии Тулуз-Лотрека, Ренуара и др. В отделе русской литографии превосходно представлены листы А. Е. Мартынова: обширная коллекция его пейзажей, раскрашенных от руки, превышает по своему количеству существующие музейные собрания.

Особый отдел составляют многочисленные виды старого Петербурга: они отражены не только в эстампах (в русских и иностранных гравюрах и литографиях),¹⁷¹ но и в фарфоре, где так широко применялось в первой половине прошлого века украшение ваз и сервизов видами северной Пальмиры.

Коллекционированию фарфора И. И. Рыбаков уделял большое внимание: ему удалось создать такое собрание русских фарфоровых фигурок (более 1000 экз.), которое может конкурировать с аналогичными музейными собраниями <...> на протяжении 25 лет он продолжал собирать фарфор, создав коллекцию, по которой можно изучать историю фарфорового производства в России, начиная с его зарождения и до советского периода включительно. Кроме фарфора, И. И. Рыбаковым была собрана коллекция русского и английского фаянса».

Упоминает Голлербах и о других разделах коллекции Рыбакова и пишет «о созидательном энтузиазме коллекционера, сумевшего создать “домашний музей”, к изучению которого не раз будет обращаться искусствоведы самых различных специальностей».¹⁷²

Эта уважительная и достойная статья датирована декабрем 1939 года – временем, когда не только не могло быть и речи о публикации альбома-каталога, для которого она предназначалась, но и приходы Голлербаха в дом Рыбаковых были для него некоторым риском.

Однако до Лидии Яковлевны дошли слухи, что за ее спиной Голлербах говорит о Рыбакове совершенно иначе. О характере его уст-

ных высказываний сегодня можно судить по неизвестным в то время высказываниям письменным.

Ср. цитаты из статьи к каталогу и из мемуарного очерка Голлербаха о Н. А. Клюеве, где он прошелся по Рыбакову, не называя его имени. В статье: «С конца 1920 г. в собрании Иосифа Израилевича Рыбакова появился небольшой, но ценный отдел русских икон». В очерке «Елейный Клюев»: Клюев скупал на Севере у старообрядцев «целые мешки древних икон», которыми «бойко поторговывал» в Петрограде, да еще брал подряды на сооружение «красных углов»; «Какой-нибудь полуинтеллигентный нэпман, потомок Авраама, не прочь был позабавиться на досуге приобретением эдакой православной экзотики. Прежде чем сесть за пиршественный стол, можно было показать гостям: “А вот красный угол православного крестьянина. Это я заказал известному поэту Клюеву. Дорого содрал, шельмец, зато посмотрите, какая прелесть!”». ¹⁷³ Впрочем, и Клюеву в очерке не поздоровилось. «М. А. Кузмин говорил <...>, что иконы писал Мансуров, а Клюев их в печке коптил. Может, и так...». ¹⁷⁴ Сказав о том, что поэт умер в ссылке, Голлербах закончил текст объяснением ее причины: «Скоро он был убран. Повод не искали: очищали Ленинград от педерастов». ¹⁷⁵

Более обширное, чем в очерке о Клюеве, высказывание Голлербаха о Рыбакове, – портретный очерк «Вместо некролога», который открывается строками: «Умер один из крупнейших современных коллекционеров – Р. Умер при трагических обстоятельствах. Жизнь этого человека могла бы послужить сюжетом занимательной повести, слегка напоминающей “Золотого тельца” (не столько в силу сходства покойника с Остапом Бендером, сколько в смысле его приверженности золотому тельцу).

С ненасытной энергией умножал он свои финансы и коллекции, действуя холодно, расчетливо, осторожно». ¹⁷⁶ Далее автор передает, что «о нем рассказывают», – в том же духе, в каком написаны предыдущие строки. В очерке сочетаются острый литературный стиль, “благородная зависть” собирателя, обладавшего несравнимо меньшими финансовыми возможностями, и отсутствие человечности. Интересно, что у Голлербаха есть очерки «Клевета» и «Импровизация и ложь», ¹⁷⁷ в которых он клеймит склонность многих «добрых знакомых» к сплетням.

Поскольку очерк об «Р.», как и о Клюеве, в то время опубликован не был, Л. Я. Рыбакова эти тексты не читала, но достаточно было и устных «нелицеприятных отзывов» о погибшем. По семейной легенде, Голлербаху было «отказано от дома».

Работа над каталогом осталась незаконченной.

Но все материалы Иосифа Израилевича семьей сохранены, и не только те, что касаются искусства. В отдельной папке лежат работы по хозрасчету, об увлечении которым он говорил на допросе: брошюры, статьи в журналах и множество газетных публикаций 1931–1937 годов. Основная работа, брошюра И. И. Рыбакова и Б. В. Фарафонтьева «Практика хозрасчета» (Л., 1931), видимо, была весьма востребованной, потому что вышла минимум четырежды: в папке – четыре издания. Рыбаков надписывал брошюры дочери. На титульных листах: «Дорогой Оленьке от автора // май 1931 года» (Фарафонтьев вычеркнут, напечатанная фамилия «Рыбаков» оставлена вместо подписи);¹⁷⁸ «Милой Оленьке / любящий / Рыбаков / 14/XII 31 г.» (подписи от руки нет, выделена напечатанная фамилия «Рыбаков»);¹⁷⁹ «Моей милой девочке / хозрасчетный отец / с авторским при / ветом / 17/IV / 1932 г.».¹⁸⁰

***

По свидетельству А. Г. Каминской, воспоминания которой о Рыбаковых относятся уже к послевоенному времени, «Анна Андреевна очень переживала гибель Иосифа Израилевича».¹⁸¹ К 1940 году относятся две ее дарственные надписи Л. Я. Рыбаковой,¹⁸² показывающие, что отношения Ахматовой с семьей, потерявшей главу, стали еще ближе.

Когда в печати после пятнадцатилетнего перерыва появилась первая публикация стихов Ахматовой (журнал «Ленинград», 1940, № 2), она написала под стихами:

Моему милому другу
Лидии Яковлевне Рыбаковой
на память
о многом
Ахматова
1940. 10 апр.

Опубликованные стихи и впрямь несли в себе память о многом. «От тебя я сердце скрыла...» – это о Фонтанном Доме, о разрыве с Пуниным. «Одни глядятся в ласковые взоры...» – о муках совести и гибели близких, царскосельские воспоминания, посвященные памяти Н. В. Недоброво и не только Недоброво. «Воронеж» был напечатан без последней строфы, но со строкой отточий, отсылающих понимающего читателя к воронежской ссылке Мандельштама, куда Ахматова ездила к нему в 1936 году. Будто в продолжение темы ссылки – «Здесь Пушкина изгнание началось / И Лермонтова кончилось изгнание...». В подборке было и стихотворение «Художнику» – с таинственным адресатом и экфрасисом неведомой картины, картины вечности, в которую можно войти: «Там стану я блаженною навеки / И, раскаленные смежая веки, / Там снова обрету я слезный дар». Возможно, Л. Я. Рыбакова понимала про это стихотворение 1924 года больше, чем мы сейчас.

Но «на память о многом»¹⁸³ – это, конечно, прежде всего о том, что их объединяло. По словам А. Г. Каминской, «общение Анны Андреевны с Рыбаковыми было очень тесное. Лидия Яковлевна была ее единомышленником, они понимали друг друга с полуслова, у них было общее прошлое».

Сразу же по выходе первого после 1923 года сборника – «Из шести книг» (Л., 1940) – Ахматова подарила его Л. Я. Рыбаковой, написав на шмуцтителе раздела «Ива», в котором были опубликованы стихи, возникшие в годы непечатания:

*Вам, Лидия Яковлевна,
и светлой памяти того,
кто всегда был другом
моих стихов.*

Ахматова.
23 мая 1940

Дом Рыбаковых оставался гостеприимным. Главой его теперь была Ольга Иосифовна («молодой инженер», как она себя обозначила).¹⁸⁴ Ахматова по-прежнему приходила туда, одна или, с 1939 года, с другом – ученым-паталогоанатомом, профессором Владимиром Георгиевичем Гаршиным,¹⁸⁵ который был, кроме того, коллек-

ционером, знатоком литературы и искусства. Гаршин в свою очередь подружился с Рыбаковыми.

Из записей Л. К. Чуковской. 15 февраля 1940 года, слова Ахматовой: «Владимир Георгиевич зашел за мной к Рыбаковым...». 3 марта 1940 года: «Вчера <...> Мне позвонил Владимир Георгиевич, зашедший за ней к Рыбаковым, где она обедала...». 8 июня 1940 года: «Она собиралась идти на обед к Рыбаковым...». 5 июля 1940 года, Ахматова: «У меня ноги опять отекли, на этот раз обе. Вчера я еле доплелась в Дом писателей и там поняла, что до дому дойти не могу. Еле-еле добрела до Рыбаковых. <...> Рыбаковы позвонили Владимиру Георгиевичу, он меня и доставил домой».¹⁸⁶

Начало войны Ахматова провела в Ленинграде. Но 28 сентября 1941 года она была эвакуирована и 9 ноября прибыла в Ташкент. Перед отъездом «часть вещей, ценных для нее, отдала на сохранение Гаршину, – рукописи, письма Пастернака...».¹⁸⁷ Рыбаковы и Гаршин всю войну оставались в городе.

***

Осенью 1939 года Ольга Иосифовна вышла замуж за инженера Бориса Владимировича Лауэнбурга. В «Воспоминаниях о жизни в блокадном Ленинграде» она рассказывает: «В середине января 1941 года у меня родилась дочь, которая очень болела в первые месяцы жизни <...> 22 июня застало меня с коляской в Летнем саду <...> у репродуктора <...>

У мужа был “литер” на самолет на меня с ребенком, но я отказалась ехать, не могла же я спастись сама ценой жизни двух старух, которые должны были оставаться в осажденном городе <...> Ни свою мать, ни мать мужа я оставить на верную смерть одних не могла <...> Я рассуждала так: “Ведь здесь останутся коллекции И. И. Рыбакова, моего погибшего отца, здесь остается кооперативный дом, на сохранение которого он, можно сказать, жизнь положил (донос в Наркомвнудел, видимо, исходил из нашего дома¹⁸⁸ <...>)” <...> мы <...> вовсе не хотели отдавать свое наследственное имущество мародерам, обирающим пустые квартиры, а уж о Гитлере и вермахте я не говорю, мы безоговорочно верили в то, что в конечном счете Родина, Россия победит так же, как в 1812 году она победила и погубила Наполеона I, а даст Бог, в итоге наш город бу-

дет вольным городом, как Гамбург и Любек, Роттердам и Остенде.

Итак, мы с мужем разделились – каждый стал спасать свою престарелую мать, как умел.¹⁸⁹ <...> он мне прислал письмо, что <...> “мы с тобой расходимся насовсем, мы не сошлись характерами <...> Ребенку буду помогать всегда <...>, а ты и твоя мать справитесь сами”. “Ну, нашел время расходиться!” – сказала, пожимая плечами, моя мама. Впрочем, думаю, что он не был особенно виноват, – я тоже понимала, что ошиблась. <...> Муж мой в эвакуации устроил свою жизнь по-своему, а нам высылал алименты.

Я работала всю войну, вначале в общественном порядке: комендантом бомбоубежища <...> затем заведующей санитарной комнатой, наконец, будучи председателем правления ЖСК, <...> была оформлена управляющим домохозяйством <...> Мы сильно недоедали, попросту голодали. У девочки, конечно, был рахит. <...> Мы варили кашу девочке из белого печенья “Мария”, что давали на детские карточки <...> печенье детям отоваривали вместо хлеба (белого), которого моя семимесячная еще есть не могла; так и к грудному молоку мы добавляли эту кашу (прикорм) <...> сами довольствовались своей (“иждивенческой”) пайкой хлеба – 125 блокадных грамм “с огнем и смертью пополам”, как писала наша бессмертная Ольга Берггольц. <...>

Моя дочка Жозефина, названная в честь дедушки,¹⁹⁰ но которую мы все звали Пуся или Ина <...> все сидела в кровати и сосала палец. Пошла она только в два года без малого перед самым снятием блокады. Нам привез кускового сахара приятель моего покойного отца, журналист, литературовед и искусствовед Илья Самойлович Зильберштейн,¹⁹¹ по прозвищу “старый диабетик”, разумеется, в конечном счете, “не за так”, как говорится. Он этим нас спас, т. к. сахар – это жизнь для дистрофиков, и я это понимала и на всю жизнь сохранила к нему дружбу и благодарность. Дочку мы с мамой и молодой дворничихой Соней Николаевой, жившей с нами в дворницкой во вторую блокадную зиму, манили куском сахара, как собачонку, и, наконец, она сделала первый шаг: протянула ручки к сахару, оторвалась от опоры (стула) и пошла. <...> дети блокады <...> росли в темноте и холоде, когда семьи обогревались печуркой-буржуйкой <...>.

Научились менять вещи на продукты и ходили разбирать деревянные дома на топливо, это к весне ближе. Маму мою устроила

жена д<окто>ра Тобилевича на диэпитание,¹⁹² а потом ей помогли попасть в стационар при I Медицинском институте, где отделением заведовала ее подруга, хирург Сусанна Яковлевна Хлопонина.¹⁹³ Впоследствии мама там осталась работать “канцелярской” сестрой и медстатистиком. <...>

Вторая блокадная зима была уже значительно более легкой. <...> из-за трудностей с дровами мы вновь “уплотнились” <...> в домконторе при дворницкой <...> Моя мама была в больнице Эрисмана на казарменном,¹⁹⁴ а мы с маленькой Инкой помещались в теплом углу кухни за самодельной перегородкой. Приходила мама только изредка, иногда приходили друзья, приезжали с Ленфронта офицеры-товарищи <...>. Офицеры, естественно, привозили нам с детьми сухой паек и щедро делились. <...> Надо сказать, что после первой зимы, когда к нам никто, кроме профессора Гаршина, не приходил, уже началось какое-то общение. Первой весной городская администрация провела оттаивание замерзшей канализации, дали водопроводную воду, зажегся электрический свет. Вскоре пошел первый трамвай и зашевелились троллейбусы. <...>

Всю весну мы убирали город, чинили домовую водопроводную сеть, лазили на крышу и ставили гудронные заплатки на пробитую кровлю. К счастью, наш дом не очень пострадал, прямого попадания не было. Окна заделали, чем могли. <...>

И вот наступило 18 января 1943 года – с утра слышался грохот канонады, а вечером радиотрансляция принесла долгожданную весть – блокада прорвана!!! Мы целовались с соседями и даже с прохожими на набережной. <...>

Мы все уже отмылись и приспособились понемножку. 27 января 1944 года блокада была снята – и наши надежды стали оправдываться. Мы перестали жить одними “обменами” и почувствовали себя немножко людьми. <...> Люди стремились к общению, старались помочь друг другу сменять вещи или продать их, чтобы получить продукты. Завязывались новые связи, но и старые не ослабевали, если можно было друг до друга дойти пешком.

Так, в самое темное время первой блокадной зимы я ходила пешком навестить мою старушку-няню и ее дочь Полину Сергеевну на Александро-Невскую улицу¹⁹⁵ у самой Лавры. Они очень обрадовались и, хотя сами были слабы, все же угостили меня сухарем. Наве-

щала я мою старую учительницу английского языка мисс Трауман на Кирочной, но она была уже совсем плоха и бредила мясом и “дичью”, мышами как пищей <...>

...Весной 1944 года мы уже вернулись к себе домой из дворницкой <...> Множество произведений живописи я меняла на продукты, меняла и продавала даже кое-что из фарфора. Один инженер, Павел Иванович Кутузов, и один военврач, фамилии которого я не помню, приносили и привозили нам с мамой крупу и консервы и даже витаминные сиропы для девочки. Может быть, это и были кабальные сделки, но эти люди спасли нам жизнь, и я им очень благодарна. <...>

Мне кажется, что наш дом и его население сохранилось потому, что, во-первых, слава Богу, бомбы и снаряды миновали его, а во-вторых, наш маленький коллектив был все-таки коллективом, ячейкой, потому что мы помогали друг другу: прикрепляли соседей к Военторгу, отоваривали карточки для более слабых. <...>

Нас поддерживало радио – стихи Ольги Берггольц и Веры Инбер, письма с фронта и Большой земли и товарищеская взаимопомощь. Без этого в темноте и холоде, под обстрелами и бомбежками, перешагивая через трупы на улице, нам было бы не выжить.

Когда весной 1942 года пошли трамваи, когда мы – ленинградские женщины – убрали город, похоронили трупы, лежавшие зимой 1941–42 гг. штабелями в сараях и покойницких, подлечились в стационарах и столовых дополнительного лечебного питания, – стало много легче». ¹⁹⁶

Ольга Иосифовна, которая во время войны по характеру своих должностей была кем-то вроде коменданта дома, подробнейшим образом рассказывает обо всех жильцах – от ученых до домработниц и членов их семей: кто эвакуировался, кто воевал, кто остался, кто где работал, кто и каким образом выжил или погиб. Рассказ ее проникнут глубоким сочувствием к этим людям. Сама она помогала многим и в воспоминаниях стремится назвать каждого, кто помог ее семье, особенно дочке: «вечная им благодарность...». ¹⁹⁷ Позднее по просьбе младших друзей О. И. Рыбакова написала еще несколько страниц о блокаде, назвав их «Дополнением». «Дополнение» посвящено страшным подробностям блокадной жизни, но вся последняя страница – это гимн блокадным врачам, особенно детским: детская поликлиника была «островом спасения». Кажется, главное убеждение

Ольги Иосифовны – «Старое добро не забывается...».¹⁹⁸ Свойства ее натуры: неиссякающая готовность помогать и дружить, способность не теряться в самых тяжелых ситуациях, редкостная энергия, любовь к жизни и умение выстраивать эту жизнь, – достались ей от отца. Судя по отзывам, она не была ни «святым», ни легким человеком, но названных свойств у нее не отнимешь.

***

В домашнем архиве Рыбаковых сохранились адресованные Лидии Яковлевне пять ташкентских открыток и телеграмма от Ахматовой. Одна открытка была послана в 1944 году, все остальное – в 1943-м (годы установлены по почтовым штемпелям). Открытки публиковались,¹⁹⁹ телеграмма публикуется впервые.

Жизнь Ахматовой в Ташкенте была полуголодной и неустроенной, к тому же Анна Андреевна много и тяжело болела. И все же по сравнению с блокадным Ленинградом Ташкент был «тихой гаванью». Находясь в этой «гавани», трудно было представить себе весь ужас блокадного существования. Судя по открыткам, Ахматова в полной мере и не представляла, особенно в отношении Рыбаковых. Она получала «весточки» от Лидии Яковлевны и Ольги Иосифовны,²⁰⁰ но, по-видимому, обе рассказывали о своей жизни сдержанно и кратко. Возможно, Ахматовой справедливо казалось, как мужу Ольги Иосифовны: «...а ты и твоя мама справитесь сами». Анна Андреевна очень волновалась за Гаршина: в это время он был главным патологоанатомом города, его окружали тысячи смертей, в октябре 1942 года умерла его жена, это было для него тяжелым потрясением. О.И. Рыбакова вспоминала: «Часто бывал у нас Гаршин во время блокады. Перенес он блокаду плохо, выглядел страшно. Мы обязаны ему спасением, без него мы бы не выжили. (Он два раза приносил нам по литру спирта, мы потом меняли его на продукты.) Мы подарили ему несколько старинных монет – ведь он был коллекционером, а он нам дал несколько полудрагоценных камней из своей коллекции».²⁰¹ Подобных историй известно о Гаршине несколько. Вот что рассказала ученица Гаршина, автор книги о нем Т. Б. Журавлева:²⁰² когда лаборантка ВИЭМа²⁰³ потеряла продуктовые карточки, он сказал ей: «Ну что ж, Елизаветушка, приходите ко мне, будем делить все пополам». И в течение десяти дней, сам недавно оправившийся от

дистрофии, делился своим пайком, скрывая это от окружающих.²⁰⁴

Помогал он и Ахматовой, о чем известно из его письма сыну Алексею: «Как только получишь деньги, напиши мне. А я не замедлю прислать еще. Я посылаю немного тете Юле²⁰⁵ (у них очень плохо) и Анне Андреевне – на Большой земле деньги больше нужны, чем здесь».²⁰⁶

Судя по некоторым фактам, Ахматова не представляла до конца не только ситуацию Рыбаковых, но и ситуацию Гаршина. Из ташкентской дневниковой записи Чуковской, 5 ноября 1942 года: «...Раневская сообщила мне текст телеграммы <Ахматовой> в Ленинград, Лидии Гинзбург:

“Больна брюшным тифом подготовьте Гаршина”.

Очень безжалостно все-таки. Ведь Ленинград!»²⁰⁷

Через какое-то время после смерти жены Гаршин сделал Ахматовой заочное предложение, и она дала заочное согласие. Уже 25 декабря 1942 года Н. Я. Мандельштам в одном из своих писем из Ташкента упоминает о Гаршине как об ахматовском муже.²⁰⁸

Вести от Гаршина иногда приходили с большими перерывами, поэтому Ахматова пыталась узнавать о нем через друзей и знакомых. Поскольку общение Гаршина с Рыбаковыми продолжалось, она писала о нем в каждой из открыток к ним. Приведу две, обе 1943 года:²⁰⁹

12 июня.

Дорогая Лидия Яковлевна,

Володя прислал мне свою фотографию. Я нахожу, что у него не только усталый, но и совсем больной вид. Вы знаете все обстоятельства, отяжеляющие его психику. Напишите мне откровенно ваше мнение. Не настало ли, наконец, время для отдыха. Можно ли убедить его отдохнуть? Он очень тепло и доверчиво к вам относится. Поговорите с ним и напишите мне. У вас еще весна, а здесь палящее бесконечное лето – вишни поспели.

Целую Вас, Олю и Жозефину.

Ваша Ахматова.

О невероятно интенсивной работе Гаршина во время войны подробно говорится в книге Журавлевой. В письмах на фронт сыну Гаршин рассказывает, как он видит свою роль: «Нас, людей моей специальности, тут осталось очень мало, поэтому приходится работать очень много, постоянно консультировать, давать сводки ма-

териала и т. д. Я удовлетворен, что остался здесь; здесь я действительно нужен»; «Работаю очень много, а нужно – еще больше. Этого жизнь требует, война требует. Хочется наверстать упущенное за время болезни. Странно изменились стимулы к работе. Прежде как-то не осознавалась связь моей работы, скажем, с общим делом. <...> Сейчас совсем иначе. Приходится отзываться на текущую животрепещущую тему и по возможности скорее делиться своими наблюдениями, мыслями, материалом с другими. Работы сразу “выносишь” в практическую жизнь. <...> Только иногда, когда идешь по улицам нашего удивительного города, вдруг осознаешь ярко и отчетливо, что судьба его переменялась. Я знал дореволюционный Петербург, советский Ленинград довоенной эпохи... Теперь будет новый Ленинград, другая жизнь, вероятно, не похожая на старую...». ²¹⁰

«Обстоятельства, отяжеляющие его психику», о которых пишет Ахматова, – это родословная Гаршина. Он был родным племянником писателя В. М. Гаршина, страдавшего нервным расстройством и покончившего с собой. С собой покончили и два родных брата писателя, один из которых был отцом Владимира Георгиевича.

15 окт<ября>

Дорогая Лидия Яковлевна,

Как-то довольно неудачно перед самой зимой я заболела стрептококковой ангиной и пролежала три недели в постели. От Вл<адимира> Г<аршина> давно нет вестей. Я беспокоюсь – напишите мне о нем.

Как ваше здоровье, что Оля и как ведет себя внучка? Ко мне на днях заходила дама, с которой я познакомилась у вас. Она врач, и вы, наверно, знаете, о ком я говорю. Она рвется в Ленинград, и мы обсуждали с ней планы возвращения. На днях вышлю вам мою книгу.

Целую вас.

Ваша Ахматова.

С середины августа по октябрь Ахматова была больна, по одной версии – стрептококковой ангиной, по другой – скарлатиной. ²¹¹ Дама, с которой она познакомилась еще в Ленинграде у Рыбаковых, – Надежда Наумовна Заманская (1901–1986), их участковый врач, со временем стала другом семьи. Будучи с мужем и дочерью в эвакуации, Заманская работала в ташкентской поликлинике. Приходила к Ахматовой в связи с ее болезнью – либо с официальным ви-

зитом (от поликлиники), либо, что вероятнее, с неофициальным.²¹²

Книга, о которой упоминает Ахматова, – маленький сборник ее «Избранного» (Ташкент, 1943), составленный К. Л. Зелинским с учетом жестких требований цензуры, основной упор в нем сделан на военную лирику. Сборник вышел в конце мая 1943 года.²¹³ В архиве Рыбаковых он есть, но, судя по инскрипту, был подарен им уже после возвращения Ахматовой.

Срочная телеграмма, сохранившаяся у Рыбаковых, как и открытки, связана с волнением Ахматовой о Гаршине. Дата в штемпеле – 23 декабря 1943 года.

= ОЧЕНЬ ПРОШУ СООБЩИТЕ ЗДОРОВЬЕ ВЛАДИМИРА ГЕОРГИЕВИЧА ЦЕЛЮЮ = АХМАТОВА –

Такого рода телеграммы посылались Рыбаковым, другим ахматовским друзьям и самому Гаршину не раз.

Ахматова стремилась покинуть Ташкент с весны 1943 года: «Второе лето в Ташкенте я едва ли вынесу» (письмо Н. И. Харджиеву от 6 апреля 1943 года);²¹⁴ «...начинается жара и, значит, погибель» (письмо И. Н. Томашевской от 2 июня 1943 года).²¹⁵ Первоначально попытки уехать имели своей ближайшей целью Москву. 6 июля 1943 года Н. Я. Мандельштам писала об Ахматовой: «...уезжает в Москву, в надежде, что ее пустят в Ленинград, к мужу».²¹⁶ Без специального вызова ни в Москву, ни в Ленинград выехать было нельзя. Ахматова неоднократно получала московский вызов, однако покинуть Ташкент мешали следовавшие одна за другой болезни, а также то, что Гаршин просил ее пока оставаться на месте. В 1944 году она все еще находилась там, ожидая вызова в Ленинград, который Гаршин многократно обещал оформить.

Но он медлил, – из-за того, что еще не было квартиры от ВИЭМа, в которой они могли бы поселиться. Сам жил, как и в блокаду, в служебном помещении. Впрочем, для медлительности могла быть и дополнительная причина. Гаршин писал сыну: «Ожидаю приезда Анны Андреевны, человека душевно близкого мне. Несколько волнуюсь – ведь прошло более двух лет, как она уехала, многое изменилось, а главное, и я изменился».²¹⁷ Время разлуки было прожито ими совершенно по-разному, это могло отдалить их друг от друга.

Так и не дождавшись вызова из Ленинграда, 13 мая Ахматова улетела в Москву. Там она провела весь май. В это время Гаршин делился с сыном своей тревогой: «Дело с квартирой в ВИЭМе, по-видимому, безнадежно, и это меня угнетает. Сил у меня мало, здоровье очень подорвано, и ежедневная езда будет мне нелегка. Есть небольшие шансы, что в июне все-таки удастся переехать. В самые близкие дни приезжает Анна Андреевна, нужно ее устроить здесь, это тоже далеко не просто. <...> Трудно мне, Алешенька, и физически, и душевно трудно. Не знаю, как наладятся отношения с Анной Андреевной, как ее устроить».²¹⁸ Он понимал, что уже едва ли сможет служить Ахматовой поддержкой, а она привыкла к поддержке и нуждалась в ней.

Получив вызов не от Гаршина, а от Союза писателей,²¹⁹ 1 июня 1944 года Ахматова вернулась в Ленинград.²²⁰ «А.А. писала Гаршину о своем приезде, потом уже из Москвы звонила, – вспоминает О. И. Рыбакова, – но он не сказал ей, что квартира <...> еще не готова, а сам просил мою мать поселить Анну Андреевну пока у нас. Комнаты ее в Фонтанном Доме, где она жила с Пуниным, были заброшены. <...> Перед приездом Анны Андреевны Владимир Георгиевич говорил моей матери, что он видит перед собой умершую Татьяну Владимировну (свою покойную жену), и что она запрещает ему жениться на Ахматовой. На такие же галлюцинации он жаловался и врачу 1-го ЛМИ С. Я. Хлопониной. Выглядел он в эти дни совсем больным».²²¹

Гаршин встретил Ахматову на перроне, они объяснились, после чего Ахматова сказала «совершенно спокойным, ровным голосом» своим спутникам В. Г. Адмони и Т. И. Сильман: «Все изменилось. Я еду к Рыбаковым», – куда они ее и отвезли на «случайной машине». «Рыбаковы <...> радостно встретили Ахматову».²²² Гаршин, отправившийся за вещами, приехал к ним позднее.²²³

О. И. Рыбакова о дальнейших событиях: «Жила Анна Андреевна у нас в небольшой низкой комнате с одним окном во двор-колодец (бывшей детской). В комнате были стекла в окне, в больших окнах других комнат была еще фанера. В комнате стояла просторная железная кровать, стулья. Было кресло, на котором она охотно сидела. Анна Андреевна приехала с одним чемоданчиком, у нее всегда было очень мало вещей. Одетая она была даже по тем временам бедно, но это всегда было так – она на это внимания не обращала.

Ахматова у нас прожила месяца три, то есть июнь, июль и август. По приезде она не сразу получила карточки, ведь надо было оформить прописку. Владимир Георгиевич бывал у нас сначала каждый день, он приносил ей в судках обед из какой-то более-менее привилегированной столовой по своим талонам. Они подолгу разговаривали в ее комнате. <...> Это продолжалось недели две. И вот однажды я услышала громкий крик Анны Андреевны. Разговор оборвался. Гаршин быстро вышел из ее комнаты, стремительно пересек столовую и поспешно ушел. Больше они не встречались, она его <...> вычеркнула из своей жизни. Лидия Яковлевна (моя мать) по ее просьбе ездила к Гаршину, забрала у него все письма А.А., которая их уничтожила, как еще раньше его письма к себе. Потом Лидия Яковлевна по просьбе Анны Андреевны не раз ездила к нему, забирала ее вещи. <...>

Прописка А.А. в Фонтанном Доме была оформлена в начале июля 1944 года с помощью О. Ф. Берггольц по письму Союза писателей <...> После оформления прописки А.А. получила “лимит” (особое писательское снабжение) <...> Она говорила моей матери: “Я сейчас обеспечена продуктами и могу помочь вам и девочкам. Пусть Оля ходит в магазин и все приносит. Ничьи судки с обедами мне не нужны”. <...>

Тяжело переживала разрыв Ахматовой с Гаршиным и Лидия Яковлевна Рыбакова. <...>

Известно, что Гаршин в конце сороковых годов тяжело заболел. Во время болезни Гаршина его навещала моя мать, а после ее смерти ездила я. <...> Не раз <Гаршин> спрашивал об Ахматовой: “Как там Аня?”. Но А.А. о нем ни разу не спросила, хотя встречалась Л. Я. Рыбакова с ней часто». ²²⁴

Точной картины ссоры Ахматовой и Гаршина мы не знаем. Ахматовская версия в трактовке Э. Г. Герштейн: «Он приходил в дом Рыбаковых и объяснялся. Наконец, Анна Андреевна указала ему, в какое глупое положение он ее поставил, не посчитавшись с ее именем. “А я об этом не думал”, – ответил он. Вот это и взорвало Ахматову». ²²⁵ Гаршинская версия в трактовке его коллеги и будущей жены К. Г. Волковой: «Однажды Владимир Георгиевич пришел встревоженный и рассказал, что Анна Андреевна потребовала, чтобы он женился на ней. Он ответил отказом. Анна Андреевна, как он говорил, в истерике

упала на пол. Владимир Георгиевич ушел от нее и больше к ней не возвращался».²²⁶

***

Мучительность ситуации смягчала атмосфера дома Рыбаковых, где Ахматову приняли с любовью и готовностью помогать: «...вернулась <...> большой друг моей матери и покойного отца – Анна Андреевна Ахматова, великий поэт», – пишет О. И. Рыбакова, рассказывая о знаках приближения мира.²²⁷

Как к себе домой, приглашает Ахматова к Рыбаковым художницу А. В. Любимову: «В небольшую комнату, куда привела меня Анна Андреевна, падал теплый, желтоватый отсвет от солнца <...> Мне там все понравилось – <...> простота, и порядок, и несколько старинных вещей из мебели <...> букет полевых цветов <...> небольшой четырехугольный стол в углу, на котором, должно быть, лежали тетради, – она туда подходила и что-то быстро записывала. Это место мне стало казаться каким-то необычным, и я избегала смотреть, что она там делает. И тогда же показалось мне, что сочиняет она постоянно. <...>

В самый первый день позирования, в перерыв, она спросила: “У кого вы учились?” – “У многих, но последним был Карёв”. После сеанса в тот день она повела меня по всей квартире Рыбаковых, показала их коллекцию, где было огромное количество вещей Алексея Еремеевича Карёва».²²⁸

В первые месяцы пребывания в Ленинграде Ахматова не раз выступала: в Доме писателей, в Пушкине,²²⁹ в Териоках (позднее переименованы в Зеленогорск). «У нее была та же царственная и гибкая походка. Она держалась так же прямо, очень прямо, ровно и горделиво»;²³⁰ «Среди всех, как солнце среди звезд, выделялась Анна Андреевна <...> Она читала свои стихи последнего времени. И в интонациях, в глазах, в звуках ее голоса слышалось что-то такое огромное, выстраданное, чего не смогли вложить в свои стихи все наши ленинградские поэты-фронтовики и блокадники».²³¹ Ахматову печатали. Слава ее была велика.

Но личная драма, помноженная на отсутствие собственного жилья, никуда не делась. Через много лет Ахматова оставила в записной книжке краткую помету: «Неудачная попытка жить у Рыбаковых».²³²

Она надеялась поселиться у Рыбаковых навсегда. Встречая 19

июля 1944 года семью Пунина, возвращавшуюся в Фонтанный Дом из эвакуации, она сказала: «Я в Фонтанном Доме жить больше никогда не буду».²³³ Отметим, однако, что в текстах, где Ольга Иосифовна пишет об Ахматовой, несколько раз говорится о временности ее пребывания в их квартире: Гаршин «просил мою мать поселить Анну Андреевну пока у нас»;²³⁴ «Она временно поселилась у нас, т. к. ей не хотелось возвращаться на Фонтанку, 34, в Шереметевский Дом, поскольку это была квартира ее бывшего мужа <...> Сама квартира их <...> стояла разграбленная соседями и без стекол. <...> там и воды еще не было».²³⁵ И т. д. Попытка закрепиться у Рыбаковых, тем не менее, была предпринята. Однако безуспешная – об этом говорит извещение из милиции от 19 июня 1944 года: «Ахматовой А.А. в прописке наб. Жореса 12 кв. 5 – отказано. Основание: ранее была прописана в гор. Ленинграде Ф<онтан>ка 34. Имела свою площадь».²³⁶ К сентябрю Ахматова вернулась в квартиру Пуниных, отчасти приведенную в жилое состояние.

Насколько трудно было Ахматовой примириться с ленинградской ситуацией, личной и общей, показывают, в частности, следующие факты. Ахматова стала считать Гаршина сумасшедшим. Так, в телеграммах к Н. Я. Мандельштам (5 августа) и Н. А. Ольшевской (6 августа) она сообщила: «ГАРШИН ТЯЖЕЛО БОЛЕН ПСИХИЧЕСКИ РАССТАЛСЯ СО МНОЙ...».²³⁷ 13 января 1945 года она написала о Гаршине стихотворение «А человек, который для меня...», где есть строки: «...Тяжелый, одурманенный безумьем, / С оскалом волчьим...». Более того, в момент гнева «ненормальными» ей виделись все пережившие блокаду ленинградцы. Блокадница Л. В. Шапорина записала в дневнике 22 сентября 1944 года: «Встретила на улице Анну Ахматову. Она стояла на углу Пантелеймон<ов>ской и кого-то ждала. <...> Разговорились: “Впечатление от города ужасное, чудовищное. Эти дома, эти 2 миллиона теней, которые над ними витают, теней умерших с голода. Это нельзя было допустить, надо было эвакуировать всех в августе, в сентябре. Оставить 50 000 – на них бы хватило продуктов. Это чудовищная ошибка властей. Все здесь ужасно. Во всех людях моральное разрушение, падение. (Ахматова говорила страшно озлобленно и все сильнее озлобляясь, буквально с пеной у рта, летели брызги слюны.) Все женщины ненормальные”. – “Не вижу, – вставила я реплику, – Л. Я. Рыбакову”. – “Л. Я. никуда

не выходила, ничего не видала. Все ненормальные. Со мною дверь в дверь жила семья Смирновых, – жена мне рассказала, что как-то муж ее спросил, которого из детей мы зарежем первого. А я этих детей на руках вынянчила. Никаких героев здесь нет, и если женщины более стойко вынесли голод – то все дело здесь в жировых прослойках, клетчатке, а не в героизме. Вы думаете, я хотела уезжать – я не хотела этого, мне два раза предлагали самолет и наконец сказали, что за мной приедет летчик. Все здесь ужасно, ужасно».²³⁸

***

Лучше б я по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоня солнце, летела.

– писала Ахматова в июне 1944 года. А в стихотворении с датой 31 мая 1946 года уже совершенно иная интонация:

Вторая годовщина

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь – трезвит и сушит
Их всесжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя «страдальческая тень».

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, –
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

Отношения с Рыбаковыми оставались тесными и после переезда Ахматовой на Фонтанку. А. Г. Каминская: «Лидия Яковлевна, пока была здорова, часто бывала у Анны Андреевны». Ахматова также бывала у Рыбаковых.

В их архиве хранится ахматовская книга 1943 года «Избранное» с инскриптом:

Милой
Лидии Яковлевне
Рыбаковой –
свидетельство
ясной, ничем не
омраченной дружбы.
Ахматова
1 февраля
1945.
Ленинград.²³⁹

В семейном архиве лежат листочки с ахматовскими стихами, переписанными Л. Я. Рыбаковой и авторизованными Ахматовой, и многосоставный, не сводимый к какому-то единству экземпляр «Поэмы без Героя». К нему приложен листок с надписью рукой Лидии Яковлевны: «Получено от В. Г. Гаршина. 21 IX 43». Переданная ей Гаршиным машинопись «Поэмы» с многочисленными поправками и вставками, сделанными ахматовской рукой, была доставлена ему сложным путем: в апреле 1943 года текст был послан в Москву Н. И. Харджиеву, с просьбой, если возможно, переправить Гаршину, та же просьба была обращена и к находившейся в Москве И. Н. Медведевой-Томашевской; в Ленинград «Поэму» отвезла М. В. Юдина, дававшая там концерты; 2 сентября Гаршин написал сыну, что ему от Анны Андреевны «доставили совершенно гениальную поэму, правда, очень интимную».²⁴⁰ Как установила Н. И. Крайнева, это был экземпляр, в основе которого лежала вторая редакция «Поэмы» (1940–1942). Там «Решка» была посвящена «В. Г. Гаршину», а эпилог посвящался «Городу и другу», и в нем были строфы, открывавшиеся словами «Ты мой грозный и мой последний / Светлый слушатель темных бредней...». После возвращения в Ленинград Ахматова на обороте титульного листа «Поэмы» написала: «Дорогой / Лидии

Яковлевне / Рыбаковой – / другу моих стихов / и / моему другу – / Ахматова. / 20 ноября 1944. / Фонтанный Дом». В дальнейшем Ахматова и Л. Я. Рыбакова вносили в этот экземпляр разновременные дополнения, в основном на отдельных листах.²⁴¹

В 1946 году Ахматова подарила Л. Я. Рыбаковой белой, тщательно выполненный автограф третьей редакции «Поэмы без Героя» с инскриптом: «Милой / Лидии Яковлевне / Рыбаковой / от старого друга – / А. Ахматова. / 22 марта 1946. / Фонтанный Дом».²⁴² На титульном листе – даты создания: «1940–1942». На следующем листе: «Список сделан / 30–31 / дек. / 1944 / В Ленинграде». Но на самом деле автограф включает в себя текст «Поэмы» на 1945 год, а также некоторые вставки. Этот экземпляр «Поэмы без героя», как и многие другие ахматовские материалы, О.И. Рыбакова впоследствии передала в РГАЛИ.²⁴³

В журнале «Ленинград» № 3–4 за 1946 год в «подвале» страницы 10 был опубликован цикл стихов Ахматовой, озаглавленный «Пять стихотворений из цикла “Любовь”». Ахматова зачеркнула это название и заменила его на «Cinque» (итал. «пять»), под которым цикл и известен, проставила под стихами годы создания и дополнила эпиграф из Иннокентия Анненского («Пять роз, обрученных стеблю») эпиграфами из Шарля Бодлера («...et ta forme immortelle / Veille près de lui quand il dort; Autant que toi sans doute, il te sera fidèle / Et constant jusqu' à la mort») и Джона Китса («And thou art distant in Humanity»).²⁴⁴ Дарственной надписи на публикации этих стихов, посвященных Исаее Берлину, нет, как нет и даты, когда была внесена правка. Вероятнее всего, она была сделана в мае 1946 года.²⁴⁵ Номер журнала хранится в домашнем собрании Рыбаковых.

Встречи Лидии Яковлевны с Ахматовой продолжались и после постановления ЦК от 14 августа 1946 года, когда круг общения Ахматовой резко сузился. Ж. Б. Рыбакова: «Помню, как бабушка, держа меня за руку, ходила в Анне Андреевне в 1948–1949 годах. Шли через проходную Арктического института. Я играла с Аней, пока дамы разговаривали».

В ответ на вопрос, что еще она помнит про бабушку, Ж. Б. Рыбакова рассказала: «Бабушка была очень выдержанная, очень спокойная, добрая, с очень четкими нравственными представлениями.

В Эрмитаже находятся подаренные ею в “Фонд Победы” работы импрессионистов, пейзаж французского художника Пьера Боннара и морской пейзаж голландского художника Яна Порцеллиса.²⁴⁶ Бабушка и мама были советскими людьми, патриотками. Но сталинистками они не были». Ж. Б. Рыбакова помнит бабушкину подругу Агриппину Ильиничну Картужанскую, преподавательницу иностранных языков: «С какой ненавистью году в 49-м–50-м она говорила бабушке о Сталине! Когда они меня заметили, выставили из комнаты».

В рассказе о М. А. Сильвине (1874–1955), друге Рыбакова, его «товарище по революционной работе 1905 г.», Ольга Иосифовна вспоминает: «После смерти отца Михаил Александрович время от времени навещал мою мать <...> После снятия блокады Михаил Александрович вернулся в Ленинград <...> Он рассказывал, что пишет свои воспоминания и собирается сдать их в архив Истпарта. Он говорил: “Сейчас они не к месту, но они должны долежать до своего времени. Правда есть правда.” <...> он говорил о действительной роли Сталина в Октябрьском вооруженном восстании, отмечая, что она отнюдь не была такой, как писали в официальных учебниках 30–40-х годов, и около В. И. Ленина в 1917 г. в штабе вооруженного восстания Сталина не было, были другие люди, Сталин не мог быть “правой рукой” Ленина. Впоследствии Михаил Александрович говорил маме, что свои воспоминания закончил и передал их в архив».²⁴⁷ Интерес Л. Я. Рыбаковой к теме революции берет свои истоки в ее юности, когда она сама была революционно настроена.

«Бабушка учила меня читать, – рассказывает Ж. Б. Рыбакова, – занималась со мной, водила в первый класс. Но уже в сорок девятом году она плохо себя чувствовала, а в 1951 году у нее произошел инсульт, с этого времени она в основном лежала. Сиделка усаживала ее в кресло. Речь у бабушки была не очень понятная, а голова была ясная.²⁴⁸ В декабре 1953 года бабушка умерла».

На вопрос, навещала ли Ахматова Лидию Яковлевну во время болезни, Жозефина Борисовна ответила, что не помнит ее приходов в эти и последующие годы, «наша крутая лестница отвела от дома многих старых людей, да и психологически им было тяжело видеть больного человека – как свое будущее».

***

Традиция дружбы семьи Рыбаковых с Ахматовой теперь поддерживалась Ольгой Иосифовной. По словам А. Г. Каминской, после смерти Лидии Яковлевны Ольга Иосифовна часто бывала у Ахматовой и Пуниных, «с ее стороны была даже некоторая навязчивость, но общение Анны Андреевны с ней было, как с родным человеком. Ольга Иосифовна очень нежно относилась ко мне, таскала меня на уроки английского и на детские праздники к ним домой».

В воспоминаниях о семье О. И. Рыбакова пишет и о себе. И наоборот: воспоминания о себе неотделимы для нее от истории семьи и рода, и более того – от общего потока истории. В блокадном тексте она говорит: «Я родилась в апреле 1915 года, на второй год Войны 1914–1915 годов».²⁴⁹ А «Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой» начинается так: «Я родилась в семье, как говорила моя немецкая учительница, *höchst intelligent* – чрезвычайно интеллигентной». И дальше разговор идет о семье. Краткую, но наполненную живыми деталями биографию Ольги Иосифовны на фоне времени можно составить из мозаичных фрагментов разных ее текстов.

«...Мое детство протекало в Царском Селе (это уже лет так с восьми). А когда я была маленькой, ни о каких поездках за город не думали <...>

А меня воспитывала няня, которая была очень религиозной. Она меня воспитывала, как хотела, водила в церковь – родители не вмешивались. Они считали <...> когда девочка вырастет, сама разберется. <...>

Я училась в 14 школе на Моховой в 7 и 8 классах, но так как школа в те времена была плохая, до 7 класса ко мне ходила целая процессия учителей. <...> Потом школу расформировали. И в 9 класс меня устроили в школу № 10 на Чайковской...»²⁵⁰

«При таких родителях я, конечно, была ребенком и девушкой достаточно развитой, мечтала о юриспруденции и медицине или физиологии. <...> Мечты мои, однако, не осуществились: папа сказал, что все эти специальности – и литература, и юриспруденция, и медицина – не хлебные, с ними даже не прокормишь себя, а не только семью, в Университет²⁵¹ на математику или астрономию (а я математику любила – спасибо Серафиме Алексеевне Гастевой, бесценно приучавшей меня к математическому мышлению с первых классов

школы и бывшей моим любимым педагогом²⁵²) – поступить просто невозможно, а надо идти по линии наименьшего сопротивления, то есть воспользоваться правом детей ИТР²⁵³ (папа был в это время экономистом по хозрасчету на заводе имени Свердлова) – поступить в вуз по квоте (в 1931 году это было даже без экзаменов, только по данным школьного аттестата). И вот в 1931 году я по окончании девяти классов (школа тогда была девятилеткой) поступила по путевке детей ИТР, выданной завкомом завода Свердлова, в Ленинградский машиностроительный институт на специальность “химическое машиностроение” <...> Впоследствии я перешла с потерей курса на физико-механический факультет ЛПИ – в тот период еще самостоятельный институт Физмех. Потом институты объединились, и окончила я уже единый Индустриальный (Политехнический) институт. Это было в 1937 году. <...>

В школах <...> я была отличницей, в институте тоже, увлекалась общественной работой, в школе была членом учкома (школьное самоуправление учеников), в институте влюбилась, вступила в комсомол, потом поссорилась с отцом, пошла в летние каникулы работать технич<еским> секретарем комитета ВЛКСМ института, затем помирилась с родителями, пожалев маму, продолжала учебу, но ушла из Машиностроительного института на Физмех, чтобы забыть свой трагически неудавшийся роман, и благополучно окончила этот факультет, получив диплом с отличием <...> В институте тоже вела общественную работу <...>. Дополнительно еще занималась в так называемом Университете культуры (студенческом), участвовала в организации экскурсий и поездок – словом, была общественницей и контактной, компанейской девчонкой». ²⁵⁴

«Работать меня направили на Ленинградский металлический завод на Свердловской набережной, рядом заводом, где работал папа, так что на работу мы ходили с отцом вместе – по набережной Невы, через Литейный мост и снова по набережной Выборгской стороны до наших заводов. <...> я <...> пошла работать инженером-расчетчиком в Исследовательскую лабораторию гидротурбин ЛМЗ. <...>

Там меня и застал июль 1938 года, когда 6 числа арестовали отца, и он ушел из дома навсегда. <...>

С этого момента главой семьи стала я <...>. На заводе знали, что мой отец под следствием, но мер по моей изоляции не принимали,

наоборот, меня все очень жалели. <...> За мной даже не боялись ухаживать, но мне было не до того.

Между тем, подружки моей матери стали меня знакомить с приличными молодыми людьми “с положением” <...> В конце концов, я махнула рукой на свое любовное прошлое <...> вышла замуж». ²⁵⁵

Дальше Ольга Иосифовна описывает рождение дочери, расставание с мужем и события блокадного времени.

«В 1945 году перед Победой я вернулась на родной завод и проработала до 1970 года...». «...Я работала в отделе техинформации как переводчик. Потом меня вновь переманили в конструкторское бюро, и <я> работала частично как инженер, частично как переводчица. Я свободно владею английским, французским, немецким. Была референтом главного конструктора и начальников ряда отделов. Я выучила на заводе, наверное, целую плеяду новых переводчиков и референтов...». ²⁵⁶

При том, что для Ахматовой главной всегда оставалась дружба с Иосифом Израилевичем и Лидией Яковлевной, с их дочерью у нее, начиная с первых лет знакомства, были свои отношения. Вот что О. И. Рыбакова пишет о времени детства: «А.А. очень хорошо ко мне относилась. А я все время спрашивала у мамы, почему все так восхищаются А.А., ведь она не такая уж красавица. Для меня тогда был идеал, если голубые глаза и золотистые волосы. Сохранилось мое письмо маме, я пишу, кто звонил: “звонила А.А. и говорила мне «Вы, Оля»”. Она подарила мне томик стихов “Четки” с надписью <...> и автограф стихотворения “Будем вместе, милый, вместе...”». ²⁵⁷

Надпись на «Четках» (изд. 9-е, издательства «Петрополис» и «Алконост», Берлин, 1923), которую упоминает О. И. Рыбакова, звучит так:

Оле Рыбаковой
не в поучение
Анна Ахматова.
1925.

С тех пор Ахматова надписала Ольге Иосифовне множество изданий и публикаций. О. И. Рыбакова бережно их хранила. За ис-

ключением нескольких, переданных ею в архивы, они до сих пор находятся в семье.

В поздние годы Ольга Иосифовна составила подробную машинописную опись на пятнадцати листах, в которую вошли почти все ахматовские инскрипты Рыбаковым, а также поправки и дополнения в опубликованных текстах (включая переводы), к ним добавлены имевшиеся в доме публикации Ахматовой без ее помет.²⁵⁸ Если какое-то произведение печаталось неоднократно, Ольга Иосифовна указывала разночтения. Насколько значимо было для нее все, выходявшее из-под пера Ахматовой, можно увидеть на следующем примере: на четвертой странице перечня скрупулезно зафиксирована публикация ахматовских стихов в «Ленинградском альманахе» за 1945 год, а в скобках отмечено: «У О. И. Рыбаковой экземпляр утрачен, данные взяты по экземпляру, принадлеж<ащему> Ф. В. Плантенер».²⁵⁹

Приведу тексты надписей, адресованных Ольге Иосифовне. Часть их не публиковалась.

Одна из них – на уже упоминавшейся фотографии Ахматовой в постели: «Милой Оле Рыбаковой / в знак сердечной / приязни / Ахматова. // 5 февр<аля> 1935».²⁶⁰

В журнале «Ленинград» за 1940 (№ 2. С. 9): «Оле Рыбаковой / с лучшими чувствами / А. Ахматовой <sic! – О. Р.> / 10 апр<еля> 1940».²⁶¹ Под стихотворением «Здесь Пушкина изгнание началось...» рукой Ахматовой указано: «Кисловодск».

Особняком стоит автограф Ахматовой на книге очерков Федина «Свидание с Ленинградом» (М.; Л., 1945): «Милой / Оле Рыбаковой / привет / от А. Ахматовой. / 10 авг<уста> / 1945». Причина, по которой Анна Андреевна подарила Ольге Иосифовне книгу своего давнего приятеля, становится ясна при пролистывании издания. На с. 17 сбоку отмечен чертой такой фрагмент:

«У домов, стен, вещей – то же разнообразие судеб, что у людей. Я встретил дочь известного среди коллекционеров собирателя русского фарфора.

- Ну, как ваш фарфор?
- Цел и невредим.
- До последней фигурки?
- До последней фигурки. И даже ничего с места не сдвинулось.

– Как? Вы не укладывали коллекции в ящики?

– Зачем? От попадания не спасет никакой ящик. Мы верим в судьбу...

Иногда кажется, что слово “судьба” – не что иное, как псевдоним оптимизма».

И название книги, и название очерка – «Живые стены», и рассуждение Федина о судьбах домов и вещей, несомненно, привлекли внимание Ахматовой, они перекликались с ее собственными переживаниями и размышлениями. Но официальный оптимизм этой маленькой книжки, конечно, не был ей близок.

А судьба как «псевдоним оптимизма» в случае Ольги Рыбаковой – определение неточное. Конечно, оптимизм был ей свойственен – особый, деятельный. Но в ее словах Федину судьба, скорее, синоним веры. «...Наш дом и его население, – пишет она в 1986 году в рассказе о блокаде, – сохранилось потому, что, во-первых, слава Богу, бомбы и снаряды миновали его...». А начинает она этот рассказ рассуждением: «В наше время очень трудно писать правду о блокаде Ленинграда. Совершенно изменились все моральные категории», – во главе угла стоят те человеческие проявления, которые «некогда сдерживались так называемым “страхом Божиим”». Ж. Б. Рыбакова: «Мама была верующей, православной. В церковь ходила, но нечасто. Ее в детстве крестила няня. Бабушка и дед относились к этому спокойно. Сами они формально оставались иудеями, а верили ли, я не знаю. Перед маминой смертью я приводила к ней священника».

Два номера «Огонька» за 1950 год с ненавистными Ахматовой стихами из цикла «Слава миру», с помощью которых она пыталась вызволить из заключения сына, также были подписаны: «Оле – / Ахматова / 22 янв<аря> / 1952» (№ 42. С. 20),²⁶² «Милой Оле Рыбаковой / на память об Ахматовой. / 15 ноября 1954» (№ 36. С. 23).²⁶³ Ж. Б. Рыбакова: «Вряд ли Анна Андреевна подарила маме эти номера журнала. Наверное, мама принесла их сама и попросила написать». Скорее всего, аналогично обстояло дело со стихами из того же цикла в коллективном сборнике «Русская советская поэзия» (М., 1954), где на с. 256 Ахматова написала: «Милой Оле Рыбаковой / от старого друга / А. Ахматовой / 12 окт<ября> 1954».²⁶⁴

Религиозность Ольги Иосифовны как-то уживалась с советско-

стью. Ж. Б. Рыбакова: «Мамаша была человеком очень законопослушным, жила по принятым законам». К этому можно добавить: и умела находить общий язык для разговора с властью. «Складывается впечатление, – говорит Жозефина Борисовна, – что после смерти деда органы как-то нас опекали. Никогда не трогали.²⁶⁵ В конце 1960-х или в 1970-е годы Сергей Беляев, человек из Эрмитажа,²⁶⁶ переснимал у нас с разрешения мамы ахматовские материалы. Мама никуда не вызывали, пришел следователь, вежливо расспросил. Мама сказала: “Да, давала переснимать, не считала это преступлением”. Пленки забрали и не вернули, но больше не беспокоили».

Продолжу перечень ахматовских инскриптов.

Издание поэмы «У самого моря» (Пг: Алконост, 1921): «Оле Рыбаковой / в знак сердечной / приязни / А. Ахматова. / 15 ноября 1954».

В журнале «Ленинград» за 1946 год (№ 1–2. С. 13): «Милой Оле Рыбаковой / к 1 мая 1956 / Ахм<атова>»

На статье «“Каменный гость” Пушкина» (в сб.: Пушкин. Исследования и материалы: Т. II. М.; Л., 1958. С. 185): «Милой Оле Рыбаковой / в Комарове. / Ахматова. / 20 сент<ября> 1958».²⁶⁷

Издание «Корейской классической поэзии» в переводах Ахматовой (М., 1958): «Милой Оле в Москве / Ахматова. / 12 ноября 1958».

Сборник Ахматовой «Стихотворения» (М., 1958): «Милой Оле / от старого друга / ее родителей / А. Ахматова. / 3 янв<аря> 1959 / Ленинград».²⁶⁸

В журнале «Наш современник» за 1960 год (№ 3. С. 178): «Милой Оле / 17 февр<аля> / 1961».²⁶⁹

В альманахе «День поэзии» (Л., 1961) на с. 53: «Оле на память // Из цикла “Тайны ремесла”».²⁷⁰

В журнале «Звезда» за 1961 год (№ 5. С. 146): «Милой Оле Рыбаковой / и это / Ахматова / 14 авг<уста> / 1961 / Комарово».²⁷¹

На обороте фотоконии профильного портрета Ахматовой работы Тышлера: «Милой Оле / дружески / Анна Ахматова / 20 июля / 1963 / Комарово».

В журнале «Знамя» за 1964 год (№ 10. С. 91): «20 ноября 1964 / Оле // 1960. Москва. А<хматова>» Стихотворение «Смерть поэта» Ахматова дополнила эпиграфом: «Как птица мне ответит эхо / Б<орис> П<астернак>».²⁷²

В журнале «Юность» за 1965 год (№ 7. С. 57): «Милой Оле Рыбаковой под / соснами Комарова / Анна Ахматова. / 7 / сент<ября> / 1965».

В записных книжках Ахматовой отмечены некоторые встречи с Ольгой Иосифовной. О том, что инициатива общения не была односторонней, говорит, например, ахматовская запись от 22 августа 1964 года, сделанная в Комарове: «М. б., поездка в город. Там звонить: <...> Рыбаковой <...> (Осталась дома. Дождь.)»; имя Рыбаковой есть и в более позднем, от 26 августа, списке тех, кому Ахматова собиралась звонить на следующий день в городе.²⁷³ Причину звонка, возможно, объясняет запись от 28 августа, сделанная во время трехдневной поездки в Ленинград: «(Статья из “Русской мысли”) (29 авг<уста>) принесет завтра О. Рыбакова».²⁷⁴ Речь идет о статье Н. В. Недоброво²⁷⁵ «Анна Ахматова», напечатанной в журнале «Русская мысль», № 7 за 1915 год. По-видимому, редкое дореволюционное издание имелось в семье Рыбаковых. Перечитав публикацию, Ахматова записала 13 сентября 1964 года: «Прочла (почти не перечла) статью Н. В. Н. <...> Статью я, конечно, совершенно забыла. <...> Я потрясена». 14 сентября: «Он (Н. В. Н.) пишет об авторе Requiem’a, Триптиха²⁷⁶, “Полночных стихов”, а у него в руках только “Четки” и “У самого моря”. Вот что называется настоящей критикой».²⁷⁷

В Отделе рукописей РНБ хранится пять писем и телеграмма Ольги Иосифовны к Ахматовой.²⁷⁸ Корреспонденция относится к 1957–1964 годам и показывает характер их общения в эти годы. Приведу несколько фрагментов.

Письмо, посланное из Ленинграда в Комарово 28 июня 1957 года, через несколько дней после дня рождения Ахматовой:

«Родная моя Анна Андреевна, я просто места не нахожу себе, что, пообещав приехать в воскресенье, а потом в среду, все еще не могу выбраться из Ленинграда. У меня беспокойно на душе за вас и ваше здоровье, и очень хотелось бы поделиться многими впечатлениями, в частности, о юбилее нашего родного города и новостями искусства. К сожалению, каждый день возникают непредвиденные препятствия. У нас в доме уже неделю идет приемка водяного отопления, и мне надо быть на месте, осматривать трубы в квартирах и на чердаках и <в> подвалах. <...> мне нездоровится, мне даже дали третьего дня больничный лист. Я надеялась, что теперь-то уж

смогу выбраться к вам днем, но совсем скисла, температуру, плохо сплю, бром с валерьянкой мало помогает.

Кроме того, у меня массу времени отняла сотрудница Московского института истории искусств при Академии наук, которая производила фотографирование работ Г. С. Верейского для выпускаемой монографии. Снят, конечно, и ваш портрет <...>

Как только смогу обмануть врачей, приеду непременно...».

28 декабря 1964 года Ольга Иосифовна пишет из Ленинграда в Москву, поздравляя только что вернувшуюся из Рима Ахматову с Новым годом: «Вчера в 6 час. вечера Канада на русском языке передавала “Реквием”. Мои друзья, а ваши почитатели – Мария Павловна²⁷⁹ с семьей – слушали и позвонили мне, а я сообщила Ане.²⁸⁰ Передача была восхищенной и удивительно теплой».²⁸¹

Никаких письменных ответов Ахматовой нет. Учитывая ее нелюбовь к написанию писем и даже открыток, можно с уверенностью сказать, что их и не было. Могли бы быть телеграммы, но в архиве Рыбаковых нет и их. По словам Ж. Б. Рыбаковой, «в последние годы общение мамы с Анной Андреевной в основном было телефонным».

Наиболее существенная ахматовская запись об О. И. Рыбаковой сделана в августе–сентябре 1963 года: «Оля Рыбакова сказала сейчас о К. Чуковском: “Он называет исторической живописью то, что мы называем пророческим даром”. (О “Поэме без Героя”))».²⁸² В записных книжках зафиксированы многие значимые для Ахматовой отзывы о «Поэме». Несомненно, отзыв Ольги Иосифовны принадлежит к их числу.

К 1960-м годам в доме Рыбаковых подросла еще одна наследница семейной любви к Ахматовой – Ина, Жозефина.²⁸³ 24 октября 1961 года, лежа в своей квартире с целым букетом болезней, Ольга Иосифовна пишет Ахматовой, лежащей с третьим инфарктом в больнице им. Ленина:

«...Крепко вас целую.

Ина почтительно присоединяется.

Р. С. В ее комнате (прежней комнате Лид<ии> Як<овлевны>) в шкафу устроена настоящая Ахматовская выставка. Бюст, портреты, фотографии и последнее издание ваших стихов, надписанное нам обеим».

Последнее на тот момент издание – сборник «Стихотворения» (М., 1961). Почти весь тираж был выпущен в зеленоватой обложке, за которую Ахматова прозвала книгу «зеленой лягушкой». На титульном листе подаренной Рыбаковым «лягушки» она написала: «Милым / Оле и Инне <sic! – О. Р.> / Рыбаковым / дружески / Ахматова // 14 апреля / 1961».

Ж. Б. Рыбакова: «После того, как бабушка заболела, а потом умерла, я с Анной Андреевной почти перестала видеться. Когда мы с Аней поступали в Академию художеств, то готовились вместе на даче в Комарове, но с Анной Андреевной я мало пересекалась: у нее была своя жизнь, у нас своя. Мы же тогда были молодые, глупые.

В Академии художеств мы учились все на искусствоведческом факультете, на одном курсе: Аня, мой будущий муж Володя²⁸⁴ и я. Общались между собой. С Анной Андреевной почти никакого общения в это время у меня не было. Когда я вышла замуж, Володя был ей представлен, но не более того. Году в 1963-м–1964-м Анна Андреевна захотела на меня посмотреть. Мы с мужем приехали на улицу Ленина и сидели с Аней на кухне. Пришла Анна Андреевна, побывала с нами недолго, задала какие-то вопросы, какие – я уже не помню, и ушла к себе». «У нас с Володией благоговение по отношению к ней было».

По словам Ж. Б. Рыбаковой, весть о смерти Ахматовой (5 марта 1966 года) оказалась для нее и для Ольги Иосифовны очень неожиданной. «В день похорон, 10 марта, мама была всюду: на отпевании в Никольском соборе, на гражданской панихиде в Доме писателей, на кладбище в Комарове. Даже я была на отпевании: няня меня отпустила. А потом я стояла возле Дома писателей на Шпалерной (тогда Воинова) с коляской – с Катей.²⁸⁵ Внутрь не заходила».

Для О. И. Рыбаковой история отношений с Ахматовой продолжалась и после ее смерти. Одно из свидетельств тому – переписка с С. Н. Гальперн, завязавшаяся по инициативе Ольги Иосифовны, видимо, в конце 1966 года (первое письмо С. Н. Гальперн датировано 4 января 1967). Письма Саломеи Николаевны Ольга Иосифовна сохраняла. Оригиналы их Ж. Б. Рыбакова передала в Русский музей, но в семейном архиве есть сделанная в свое время Ольгой Иосифовной машинописная копия. По многим ответам Саломеи Николаевны видно, что племянница не раз писала ей об Ахматовой и судьбе ее

наследия (о судебном процессе между Л. Н. Гумилевым и семьей Пуниных),²⁸⁶ постоянно посылала ахматовские новые публикации и другие материалы.

Письма С. Н. Гальперн показывают, как драгоценна была для нее память о подруге-поэтессе. 4 января 1967 года она пишет: «...на полчке в голове моей кровати <...> стоят книжки любимых мною поэтов: маленький Пушкин (советское издание – очень удобно читать лежа), Блок, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Бодлер и т. д.». 15 сентября 1967 года: «Во время пребывания Ан<ны> Андр<еевны> здесь²⁸⁷ письма Марины²⁸⁸ были еще у меня. Анна попросила прочитать одно или два. Я дала ей весь пакет, она вытащила наугад и попала на письмо, где Мар<ина> описывала сон, что ей приснился.²⁸⁹ Ан<на> Андр<еевна> была взволнована им и сказала мне: “Как удивительно – именно ТАК и бывает со мной”». Из письма С. Н. Гальперн от 21 марта 1972 года о «Поэме без Героя»: «Это шедевр Анны. Не могу читать ее, хоть в сотый раз, без волнения». 18 января 1968 года: «Спасибо, дорогая Ольга, за “Звезду”. Чрезвычайно интересны обе статейки. Анна Андреевна, как всегда, безупречна, а Максимов, видно, умный и толковый критик».²⁹⁰ Из письма от 18 мая 1975 года: «Марк Михайлович²⁹¹ передал мне, дорогая Ольга, посланную вами мне фотографию Ан<ны> Ан<дреевны> в постели. Эта доставила мне особенную радость. Она ТАК хороша, и такую я ее любила и помню. Благодарю вас очень. <...> Присланная вами фотография стоит перед моими глазами на письменном столе». И т. д.

Из писем С. Н. Гальперн отраженным светом видна интенсивность жизни О. И. Рыбаковой: книги, журналы, альбомы, выставки, экскурсии, концерты, командировки, интенсивное общение. Она забрасывает Саломею Николаевну длинными письмами, которые та называет «капустами», литературными подарками, материалами по изобразительному искусству. Жалуется на то, что болеют опекаемые ею пожилые люди, на что С. Н. Гальперн отвечает 29 января 1972 года: «Ваши несчастья с больными стариками и старухами меня очень огорчают. Главное, что это вам собственно здоровья. Будьте, однако, разумной: живая и здоровая вы сможете быть полезной многим». С. Н. Гальперн выговаривает племяннице за чрезмерную активность: «...суетитесь <...> до всех и до всего вам дело. Пора бы успокоиться, больше жить мыслями, любовью к вашей миленькой

внучке и сосредоточенностью. Это удел и, по мне, радость возраста» (16 августа 1974 года).

Но жить спокойно было не в духе Ольги Иосифовны: «...Проработала до 1970 года, когда ушла на заслуженный отдых, – пишет она в 1986 году в рассказе о блокаде. – Иногда прирабатываю переводами с иностранных языков, веду общественную работу в Правлении жилищного кооператива (благоустройство) и в Обществе охраны памятников культуры и искусства. Хожу на лекции, на экскурсии, пишу воспоминания и привожу в порядок архив моих родителей, встречавшихся со многими интересными людьми.

К сожалению, я перенесла спазмы мозговых сосудов – инсульт, и сил стало много меньше. Между тем, дела много и хочется быть полезной людям и оставить добрый след на земле».²⁹²

Ж. Б. Рыбакова: «Мама долго сохраняла активность. До 80 лет, уже пережив инфаркт и инсульт, подымалась к нам на верхотуру – на четвертый этаж, по высоте равный шестому. Лишь под конец ей это стало не под силу». М. В. Бокариус: «Ина очень достойно ухаживала за Ольгой Иосифовной в последние годы».

Хранитель семейной коллекции и семейный летописец Ольга Иосифовна Рыбакова умерла в 1998 году в возрасте 83 лет.

Ныне хранитель коллекции и семейной памяти, в том числе и ахматовской ее доли, – Жозефина Борисовна Рыбакова. Благодаря ее открытости работы из семейного собрания участвуют во множестве выставок, а семейная память является частью общей памяти культуры.

¹ От всего сердца благодарю Жозефину Борисовну Рыбакову за предоставление материалов из семейного архива, многочисленные консультации и бесконечное терпение. Также я глубоко благодарна за помощь Анатолию Яковлевичу Разумову, Марине Витальевне Бокариус, Любови Михайловне Фишелевой, Роману Давыдовичу Тименчику, Анне Генриховне Каминской, Наталье Ивановне Крайневой и Наталье Петровне Пакшиной.

² *Рыбакова О. И. Грустная правда // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанов. Л., 1990. С. 224.*

³ Статуетка Данько датируется 1924. По данным Л. К. Чуковской, знакомство Ахматовой и Рыбакова произошло раньше: в конце 1922 – начале 1923 (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / Подгот. текста и примеч. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997. Т. 1. С. 324*), но эти сведения вызывают сомнения, поскольку Чуковская указывает, что Ахматова жила тогда в Мраморном дворце, и сам Рыбаков рассказывал, что впервые пришел к Ахматовой именно в Мраморный дворец (см. об этом далее в статье). В Мраморном же дворце (в служебном его флигеле) Ахматова поселилась в ноябре 1924. (*Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой 1889–1966. М., 2016. С. 865*). Однако посещение Рыбаковым Ахматовой не было первой их встречей. О. И. Рыбакова вспоминает,

что, когда Ахматова начала бывать в доме ее родителей, она поначалу приходила с О. А. Глебовой-Судейкиной (об этом далее), а Глебова-Судейкина в конце октября 1924 эмигрировала из России (*Черных В. А.* Указ. соч. С. 234).

Определяя дату знакомства Ахматовой и Рыбакова, а также время, когда Анна Андреевна стала бывать в доме Рыбаковых, нужно учитывать, что основным источником сведений в данном случае являются детские воспоминания Ольги Иосифовны, зафиксированные более чем через полвека, отсюда неизбежные неточности и противоречия. Кроме того, нужно учесть, что точная дата отъезда Судейкиной из России и точная дата последовавшего за этим вселения Ахматовой в Мраморный дворец неизвестны.

То, что Ахматова и Рыбаковы познакомились только во второй половине 1924, подтверждается содержанием и датировкой первых ахматовских дарственных надписей, им адресованных (тексты надписей см. далее).

Следует акцентировать: по словам О. И. Рыбаковой, Ахматова познакомилась с ее отцом через сестер Данько, а не сестры Данько с Ахматовой через него. Вторая версия весьма распространена (например, см.: *Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. Наталья Яковлевна Данько и ее творчество. М., 1965. С. 53), но верна, по-видимому, все-таки первая. Сестры Данько познакомились с Ахматовой раньше Рыбаковых. Профильный миниатюрный портрет Ахматовой работы Е. Я. Данько (коллекция А. К. Кураевой) датирован художницей 2 ноября 1923 (см.: В ста зеркалах. Анна Ахматова в портретах современников / Предисл. Н. И. Поповой. Вступ. ст. О. Е. Рубинчик. Тексты о создании портретов – Т. С. Поздняковой, текст об автопортретах А. А. Ахматовой – О. Е. Рубинчик, о портретах работы И. А. Бродского – Э. Б. Коробовой. Биографии художников – Г. П. Балог, Е. Л. Курникова. М., 2004. С. 87, 191).

⁴ *Рыбакова О. И.* Семья Рыбаковых и их семейная коллекция. Краткая биография И. И. Рыбакова (основателя коллекции). Машинопись из домашнего собрания Рыбаковых. С. 1. В дальнейшем местонахождение материалов из собрания Рыбаковых не оговаривается.

⁵ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. Машинопись с авторской правкой. С. 1–3. Рассказ опубликован под издательским названием: *Рыбакова О. И.* О семье и коллекции // Коллекционеры. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург. 1905–2015. В 2 т. / Вступ. ст. В. П. Березовского; сост. В. П. Березовского, Ю. М. Гоголицына. СПб., 2019. Т. 2. Статьи. Воспоминания. Фотодокументы. С. 252–256. Здесь и далее воспоминания цит. по машинописи из собрания Рыбаковых; текст дается в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. То же, с минимальными исключениями, касается и других публикуемых документов, как цитируемых, так и приводимых целиком.

Судя по названию и стилю рассказа, это запись устной речи. Сделана она была, по-видимому, в начале 1980-х, после того, как О. И. Рыбакова пережила инсульт, чем объясняется дрожащий почерк, которым внесены поправки. Другие мемуарные очерки О. И. Рыбаковой были ею написаны. По свидетельству ее дочери Ж. Б. Рыбаковой, Ольга Иосифовна сама печатала тексты на машинке; «Мама многое написала благодаря Мандрыкиной и Мовшенсону, они убедили ее это сделать». Мандрыкина Людмила Алексеевна (1906–1988) – литературовед, историк, архивист, была первым хранителем фонда А. А. Ахматовой в Отделе рукописей ГПБ (ныне РНБ). Мовшенсон Александр Григорьевич (1895–1965) – театровед, искусствовед, педагог, переводчик; брат поэтессы Е. Г. Полонской, близкий друг О. И. Рыбаковой.

⁶ В тексте «Семья Рыбаковых и их семейная коллекция» (машинопись) О. И. Рыбакова говорит, что ее отец был причастен к восстанию Киевского саперного батальона и сдан в солдаты в 1901. Однако известное Киевское восстание саперов относится к ноябрю 1905. (см., например: *Райхцум А. Л.* Саперов восстания // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 12. М., 1965). Как бы то ни было, очевидно, что Рыбаков участвовал в целом ряде революционных волнений. Подробнее об этом – в названном тексте О. И. Рыбаковой. С. 1–2.

⁷ Одно из значений слова «долонь» (арх.) – ладонь. Ср. длань.

⁸ Дедушка – Яков Маркович (Миронович) Гальперн, юрист, тайный советник, служил в пенсионном департаменте Министерства юстиции (*Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в

блокадном Ленинграде. Машинопись с рукописной авторской правкой. Текст написан в 1986, пересмотрен и дополнен в 1992. С. 2).

⁹ Пожар в Окружном суде (Литейный пр., д. 4) был устроен в дни Февральской революции. Здание сгорело. В 1931–1932 на месте Окружного суда было построено здание ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ-ФСБ, получившее неофициальное название Большой Дом. По сообщению А. Я. Разумова, изначально бытовали также названия Серый Дом и Дом Страха (здесь и далее приводятся фрагменты комментария А. Я. Разумова, присланного автору в мае 2020, после прочтения статьи в рукописи).

¹⁰ Ср. конец кн. I романной трилогии М. А. Алданова «Ключ» – «Бегство» – «Пещера»: «Приближался странный шатающийся огонь. Николай Петрович увидел молодых рабочих, бежавших по мостовой с факелом. <...> Суд, по-видимому, был подожжен давно. Здание горело изнутри. К небу валил густой рыжеватый дым. Мостовая была засыпана грудями бумаг, осколками стекол. На противоположном тротуаре Литейного стояла толпа. Но никто и не пытался тушить пожар. <...> На углу Захарьевской Николай Петрович увидел знакомых адвокатов, они озабоченно суетились около больших портретов, прислоненных к стене дома. Яценко, чувствуя слабость и дрожь в ногах, пробрался к углу и поздоровался со знакомыми. <...> Полуovalное окно второго этажа лопнуло, стекло повалилось на улицу. Семен Исидорович схватился за голову. – Все-таки здесь прошла наша жизнь, – сказал он. <...> Огонь вырвался наружу и охватил здание, стены, крышу, отсвечивая заревом в небе, освещая невеселый праздник на развалинах погибающего государства» (Алданов М. А. Ключ. М., 1991. С. 318–319).

¹¹ Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука) существовало в составе Наркомпроса РСФСР с 1922 по 1933 (в 1930 переименовано в Сектор науки).

¹² Ромм М. Спасенные шедевры // Нева. 1972. № 11. С. 219. Ромм М. Судьбы национальных сокровищ // Нева. 1995. № 9. С. 221. Ромм Михаил Давидович (1922–2004) – искусствовед, филолог, библиофил, преподаватель. Его отец Давид Матвеевич Ромм, юрист, учился вместе с Рыбаковым в университете, они дружили. Сведения о М. Д. Ромме и Д. М. Ромме сообщены М. В. Бокариус. См. также: Бокариус М. В. Михаил Давидович Ромм // Коллекционеры. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург. Т. 2. С. 376–394.

¹³ Сведения о побеге – из дела Рыбакова 1938. («Следственное дело № 55471»), показания обвиняемого от 20 июля 1938.

¹⁴ Из свидетельских показаний О. И. Рыбаковой от 27 августа 1938, находящихся в деле Рыбакова.

¹⁵ Речь идет о Тамбовском восстании 1920–1921 – крестьянском движении, которое было ответом на большевистскую продовольственную диктатуру, продразверстку и массовую мобилизацию в Красную армию. Одним из главных участников повстанческого движения был А. С. Антонов, сформировавший Партизанскую армию Тамбовского края.

¹⁶ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 5–6.

¹⁷ Копии дела Рыбакова за 1921, как и его дела за 1938, предоставлены мне редактором «Ленинградского мартиролога» А. Я. Разумовым (Центр «Возвращенные имена» при РНБ).

¹⁸ Из обзорной справки от 19 февраля 1965, хранящейся в деле Рыбакова 1938.

¹⁹ Подробно о коллекции Рыбаковых см. далее в данной статье, а также в публ.: Рыбакова Ж. Б. Коллекция Рыбаковых // Художник. 2000. № 4. С. 13; Байер В. Портрет коллекционера в Советской России // Русское искусство. 2005. № 2. С. 90–97 и др.

²⁰ О. Мандельштам «Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне...» и др., А. Ахматова «Тень».

²¹ Гальперн Александр Яковлевич (1879–1956) – юрист, политический деятель, коллекционер, масон, по свидетельству И. Берлина, работал в британской разведке. Подробно про него и про «непреодолимо привлекательную» участницу литературной и художественной жизни Петербурга и Парижа Саломею Николаевну (Ивановну) Гальперн (дочь грузинского князя И. З. Андроникова (Андроникашвили), в первом браке Андрееву, 1888–1982) см.: Берлин И.

Александр и Саломея Гальперны / Пер. с англ. и вступ. слово М. Пархомовского // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. Иерусалим, 1992. [Электронный ресурс] URL: http://ju.org.ua/pict_mod/pictures/160_item_file_evreivemigratsii.pdf. О С. Н. Андрониковой см. также: *Васильева Л. Н.* Саломея // *Васильева Л. Н.* Альбион и тайна времени. М., 2014; *Андроников Я.* Я просто шел, не ведая куда... Повествование в письмах и стихах / Сопроводит. текст М. К. Андроникова. СПб., 2009; мн. др.

²² Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 3–4.

²³ Кашемировые шали двустороннего ткачества, изготовлявшиеся в России в первой половине XIX века. Получили название по имени владельцев нескольких мастерских – помещиков Колокольцовых. Служили украшением гардеробов русской знати и императорской семьи. Колокольцовские шали хранятся в Эрмитаже, Русском музее и других музеях страны.

²⁴ *Рыбакова О. И.* Семья Рыбаковых и их семейная коллекция. С. 3.

²⁵ Данько Елена Яковлевна (1898–1942) была не только прозаиком и поэтом, но и автором пьес для кукольного театра, актером-кукловодом и художницей. В частности, ею вручную расписаны экземпляры статуэтки Ахматовой 1924, выполненной скульптором Натальей Яковлевной Данько (1892–1942). Знакомство Ахматовой с сестрами Данько произошло не позднее 1923.

²⁶ В 1918–1937 город назывался Детское Село (имени Урицкого).

²⁷ О. И. Рыбакова читала дневники в изд.: *Сомов К. А.* Письма. Дневники. Суждения современников / Вступ. ст., сост., примеч. и летопись жизни и творчества Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979. Она имела в виду запись от 11 января 1919: «В 4 ½ пошел пешком на Захарьевскую, так как не шли трамваи. К Рыбакову, который меня усиленно звал не иначе как к обеду. У него довольно большая коллекция картин: Григорьев, Коровин, Лебедев, Шушаев, Альтман, Судейкин. Без шарма. Хороший обед с гусем. <...> Предлагал мне опять продовольствие и при уходе моем вручил мне пакет сушеного картофеля» (Там же. С. 191). Издание 1979 включает в себя избранные дневниковые записи Сомова с рядом купюр (опущена тема нетрадиционного секса и др.). Купюры обусловлены иногда цензурными запретами, иногда – этическими представлениями составителей. В процитированной записи пропущено: «...и в центре меню – некрасивая и несимпатичная молчаливая жена» (цит. по: *Сомов К. А.* Дневник. 1917–1923 / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. П. С. Голубева. М., 2017. С. 250). С конца 1918 по 1923, до эмиграции, Сомов часто упоминал Рыбакова в подневных записях, сухо, порой с оттенком антисемитизма. Например: «...пошел в Дом иск-вств». <...> Много знакомых, почти все жиды. И все меня ищут и льнут ко мне: сладкий Замков, Рыбаков, Абельман, Элькан и т. д., и т. д.» (Там же. С. 385). Из дневников следует, что в тяжелое время Рыбаков приглашал Сомова к себе на обеды, доставал для него провизию, однажды избавил его от большого налога. Сомов же продавал ему свои работы, плата за которые частично производилась деньгами, частично гасилась продуктами. Ср. запись от 27 мая 1919: «К часу приехал Рыбаков; я ему показал картину, она ему очень понравилась (спящую д<аму>), он очень благодарно со мной расплатился, считая все, что он мне дал из провианта, в две тысячи, а дал мне 4. Я его угощал какао» (Там же. С. 287).

²⁸ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 4–5.

²⁹ *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма / Сост., предисл. и коммент. Л. А. Зыкова. М., 2000. С. 245.

³⁰ *Сомов К. А.* Дневник. 1917–1923. С. 250. (Запись от 31 декабря (13 января) 1919).

³¹ Шушаева Вера Федоровна (урожд. Гвоздѣва, 1895–1979) – художник декоративно-прикладного искусства, жена художника В. И. Шушаева.

³² Во время ареста 1938 Рыбаков, перечисляя места своей работы, называет Народный банк, где в 1918–1920 «работал в качестве консультанта».

³³ Подробнее про общение М. В. Бокариус с В. Ф. Шушаевой см. в публ.: *Бокариус М. В.* «Пиковая дама» и «Борис Годунов» издательства Я. Шифрина «Плеяда»: История поступления во Всесоюзный музей им. А. С. Пушкина // Василий Шушаев: Искусство, судьба, наследие:

Коллективная монография / Сост. Е. Н. Каменская, Е. П. Яковлева. М., 2020.

³⁴ Поступки Рыбакова получали у разных людей разные, даже противоположные оценки. Ср., например, трактовку А. П. Остроумовой-Лебедевой роли Рыбакова в отношении З. Н. Серебряковой (*Шапорина Л. В.* Дневник. В 2 т. / Вступ. ст. В. Н. Сажина; подгот. текста и коммент. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. Т. 2. М., 2012. С. 246–247); о том же (с юмором) у Сомова (*Сомов К. А.* Дневник. 1917–1923. С. 740, 782). Эти оценки основаны на жалобах самой Серебряковой.

³⁵ О дружбе Рыбаковых с А. Я. Головиным упомянул в очерке «Образ Головина» Э. Ф. Голлербах: «...особенно близки к нему были Л. Я. и И. И. Рыбаковы...» (*Голлербах Э.* Встречи и впечатления / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. Голлербаха. СПб., 1998. С. 163). В ОР РНБ хранятся письма Головина к Рыбакову за 1916–1919. (РНБ, ф. 1000 (собрание отдельных поступлений), оп. 2, ч. 1, № 334). О. И. Рыбакова: «Когда именно папа познакомился с Александром Яковлевичем, мне неизвестно. Смутно помню разговоры о том, что мамин портрет он хотел заказать Головину еще до революции, а осуществить это удалось лишь в 1920. Но, сколько помню себя, в квартире Головиных в Детском Селе я чувствовала себя, как дома. Различия между нашим домом и домом Головиных для меня не существовало. Способствовало этому то обстоятельство, что добрых десять лет, если не более, мы по несколько месяцев жили летом в Детском Селе и я, с беззастенчивостью маленькой девочки, а потом подростка, постоянно околачивалась у Головиных. Кроме того, мои родители также и зимой почти еженедельно ездили к Головиным и брали меня с собой. Отец вел всякие юридические дела Александра Яковлевича, который советовался с ним и по разным бытовым и житейским вопросам, так как, судя по рассказам, отличался необычайной, изумительной непрактичностью. В трудные для Головина 20-е годы, когда у него было мало работы для театра, папа просил Александра Яковлевича написать несколько портретов членов нашей семьи, а кроме того, посоветовал кое-кому из наших друзей и знакомых заказать ему свои портреты» (*Рыбакова О. И.* О Головине-портретисте // Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине / Сост. и коммент. А. Г. Мовшенисона; вступ. ст. Ф. Я. Сыркиной. Л.; М., 1960. С. 334).

³⁶ *Лукницкий П. Н.* Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. В 2 т. Т. 1. Paris, 1991. С. 61. Запись от 15 марта 1925.

³⁷ там же. С. 156. Запись от 26 апреля 1925.

³⁸ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 244–249, 865.

³⁹ *Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 81. Запись от 30 марта 1925.

⁴⁰ *Чуковский К.* Из воспоминаний. Из дневника // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 58–64.

⁴¹ *Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 2. Париж; М., 1997. С. 236. Запись от 11 марта 1927.

⁴² Там же. С. 39. Запись от 9 февраля 1926. См. также С. 10.

⁴³ Эта строка из поэмы Анрепа «Физа», рукопись которой в 1915 он дал Ахматовой («на сохранение» на время своего нахождения на фронте (*Анреп Б.* О черном кольце // Фарджен А. Приключения русского художника. СПб., 2003. С. 267). Эти слова в поэме произносит героиня Мая (*Анреп Б.* Физа // Там же. С. 295). Та же строка рефреном повторяется в 6-й и 7-й главах поэмы Анрепа «Человек» (Альманах муз. Пг., 1916. С. 16–17; об этом: *Струве Г.* Ахматова и Борис Анреп // Анна Ахматова: pro et contra. В 2 т. Т. 2. СПб., 2005. С. 614–615).

⁴⁴ *Найман А. Г.* Записки о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 86.

⁴⁵ Ахматова: «“Физа” было название поэмы Анрепа <...> Я взяла оттуда эпитафия “Я пою, и лес зеленеет”» (*Найман А. Г.* Указ. соч. С. 83).

⁴⁶ *Лукницкая В. К.* Любовник. Рыцарь. Летописец. СПб., 2005. С. 43.

⁴⁷ Алянский Самуил Миронович (1891–1974) – основатель и руководитель издательства «Алконост». Каплан – вероятнее всего, Яков Максимович Каплан (1878–1941) – библиофил, издательский и библиотечный работник, переводчик. О его смерти в блокадном Ленинграде – первой смерти среди друзей и соседей – рассказывает О. И. Рыбакова (*Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 9).

⁴⁸ Лукницкий П. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 70.

⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 187. Запись от 17 июня 1926. См. также: С. 194, 197, 215–217.

⁵⁰ Там же. С. 187.

⁵¹ Там же. Т. 1. С. 58. Запись от 13 марта 1925.

⁵² Там же. Т. 2. С. 46.

⁵³ Там же. С. 67. Речь идет об одной из фотографий, сделанных Лукницким незадолго до описанного разговора. См. запись Лукницкого от 13 марта 1926. (Там же. С. 59–60). На экземпляре этой фотографии, в 1960–1961 поступившей от самой Ахматовой в ГЛМ, указано ее рукой: «Мраморный дворец Анна Ахматова 1926». См.: *Анна Ахматова. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. О. Л. Залиева. М., 2016. С. 86.* На той же странице – вариант этой фотографии, менее известный, поскольку он хуже по качеству (пост. от Н. Н. Ляминой). О контактах Ахматовой с ГЛМ в 1960-х см.: Там же. С. 12–13.

Экземпляр фотографии, сделанной в постели, позднее был подарен Ахматовой и семье Рыбаковых с дарственной надписью, адресованной Ольге Иосифовне (об этом см. далее).

⁵⁴ Лукницкий П. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 47. Запись от 2 и 3 марта 1925.

⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 284–285. Запись от 30 июля 1927. *Тименчик Р. Д.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 321, 326. «Донжуанский список» для Пунина, по-видимому, также относится к 1920-м.

⁵⁶ Окончательных выводов из этого сделать нельзя. Сам Лукницкий, например, в списке тоже не включен.

⁵⁷ Комментарий А. Я. Разумова: «Истекали “десять лет без права переписки”, объявлявшиеся родным расстрелянных во время Большого сталинского террора, их продолжали ждать из “дальних лагерей”».

⁵⁸ Письмо О. Н. Гильдебрандт-Арбениной Ю. И. Юркуну / Публ. и коммент. Г. А. Морева // Михаил Кузмин и русская культура XX века / Сост. и ред. Г. А. Морева. Л., 1990. С. 247, 249. О той же встрече – дневниковая запись Э. Ф. Голлербаха, сделанная в конце мая 1938: «Приходил Рыбаков, увлеченно рассказывал о своих открытиях в области фарфора, о своей мене с А. Д. Радловой (получил ряд фигурок, отдал старинный хрусталь). Была О. Н. Гильдебрандт, рассказывала какую-то сложную историю о кузминском переводе “Дон-Жуана”, который якобы узурпировал Шенгели. Спрашивала совета, как быть. Говорит, что “проплакала все глаза” из-за Ю. и “больше не может”. Недоумевает – что могут ему инкриминировать?» (М. А. Кузмин в дневниках Э. Ф. Голлербаха / Предисл. и публ. Е. А. Голлербаха // Михаил Кузмин и русская культура XX века. С. 229).

⁵⁹ Запись от 18 мая 1926 (*Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 1. 165). А 21 мая Лукницкий записал: «Говорили о негрооперетте – обменивались мнениями...» (Там же. С. 169). «Негрооперетта» была для советских людей одним из первых непосредственных соприкосновений с джазом. «Гастролировала в СССР в апреле–мае 1926 года (в Ленинграде с 5-го по 20-е мая) и воспринималась как незаурядное культурное событие и окно в Европу. <...> ветеран советской эстрады В. С. Поляков вспоминает об этих гастролях так: “В 1926 году в Ленинградском цирке на арене, превращенной в сцену, выступал негритянский джаз-банд под управлением Сэма Вудинга совместно с “Негро-опереттой”. Спектакль назывался “Шоколадные ребята”. В проспекте <...> говорилось: “Немало людей мечтательно вздохнуло этой ночью, уносясь душой к милой сердцу ‘культурной’ Европе. Не удивительно. Негритянская оперетта, в которой, к слову сказать, нет никакой оперетты, являет собой не что иное, как сконденсированный европейский шантан...” Это написано не без доли ханжества. Обыватели ахали и восторгались элементами шантана <...>. Но настоящие ценители видели самобытный спектакль. “Шоколадные ребята” прежде всего были блистательными артистами, равных которым в жанре ритмических песен и танцев мы еще никогда до их приезда не видели. Среди них была поразительная актриса Форест <...> изумительной женственности, танцевавшая, казалось бы, в невозможных темпах <...>. Эти “шантанные” артисты исполняли замечательные негритянские “спиричуэлз”,

которые навряд ли могли исполняться в шантанах <...>. <Это> был негритянский свадебный праздник, по ходу которого <...> разыгрывали друг друга, а некоторые “подвыпившие” гости проделывали немислимые для трезвого человека трюки» (*Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. М., 2007. С. 49). См. также: *Евдокимов А.* Чикаго – Москва, Или Новейшая история русского блюза // Логос: Филолоско-литературный журнал. 2016. Т. 26. № 3. С. 218–219 и др. В СССР «негрооперетта» вызвала большой интерес у Всеволода Мейерхольда, Дзиги Вертова, Леонида Утесова и мн. др.

⁶⁰ *Лукницкий П. Н.* Из дневника и писем // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 166.

⁶¹ Обе фотографии хранятся в РГАЛИ (Ф. 13 (Фонд А. А. Ахматовой), оп. 1, ед. хр. 201).

⁶² Сведения из каталога: Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. По материалам Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. В 2 ч. / Вступ. ст. и коммент. Л. Копылова, Т. Поздняковой, Н. Поповой; сост. и указ. И. Ивановой, Н. Громовой. 2011–2012. Ч. 1. С. 59.

⁶³ Опубл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 271. Здесь дается по оригиналу из собрания Рыбаковых.

⁶⁴ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 1.

⁶⁵ Петербургское учебное заведение Анненшуле – училище святой Анны, первоначально предназначавшееся для немецких мальчиков-лютеран. Постепенно, с развитием программы, его стали посещать дети не только из немецких семей, в училище было образовано два отделения – мужское и женское, а с середины XIX века оно обрело статус гимназии.

⁶⁶ Речь идет о времени Первой мировой войны.

⁶⁷ *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 2.

⁶⁸ Откомхоз – Отдел коммунального хозяйства Петрогубисполкома (Петроградского губернского исполнительного комитета). Орган, управлявший городским хозяйством в годы НЭПа.

⁶⁹ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 2.

⁷⁰ *Лукницкий П. Н.* *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 35.

⁷¹ Рукou Ахматовой «детьми» исправлено на «дочкой».

⁷² ОР РНБ, ф. 1073, № 1788, л. 8. Цит. по: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 241.

⁷³ *Мальмстад Д., Флейшман Л.* Из биографии Замятина. (Новые материалы) // *Stanford Slavic Studies*. Vol. 1. P. 119.

⁷⁴ *Лукницкий П. Н.* *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 173.

⁷⁵ Судя по свидетельским показаниям О. И. Рыбаковой, это курорт на юге Франции, на берегу Бискайского залива.

⁷⁶ Так записано следователем.

⁷⁷ Подробнее об этом в воспоминаниях О. И. Рыбаковой «Мои встречи с М. А. Сильвиным» (Машинопись в домашнем архиве Рыбаковых. С. 1): «В 1924 г. <...> выехали за границу, чтобы привезти мою бабушку Софью Исаакoвну Гальперн, которая застряла за границей, оставаясь на даче в Финляндии. В то время она одиноко жила в пансионате в Берлине на средства своего сына-адвоката, жившего в Лондоне. Бабушка хотела жить с дочерью, моей матерью. Через соответствующие каналы было получено разрешение на въезд семидесятипятилетней старухи на родину».

⁷⁸ Об этом: *Васильева Л. Н.* Саломея. С. 392–393. А также в справке «Андроникова Саломея Николаевна» в энциклопедии «Всемирная история». [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/andronikova_salomieia_nikolaieвна Вожель Люсьен (1886–1954) – издатель, журналист, законодатель мод, историк изобразительного искусства.

⁷⁹ Те же годы поездок – 1924-й и 1925-й – указаны в картотеке гестапо, на которую есть ссылка в документах КГБ 1965, связанных с хлопотами О. И. Рыбаковой по поводу реабилитации отца.

⁸⁰ Заграничная поездка Рыбаковых 1924 не могла быть отмечена в его дневнике, т. к. Лукницкий познакомился с Ахматовой и начал вести свои записи о ней только в декабре этого года.

⁸¹ Пунин Н. Н. Мир светел любовью. С. 268.

В издании дневников Лукницкого об Ахматовой есть запись, явно содержащая ошибку: «Живя у Рыбаковых на даче, работая на огороде, босая, растрепанная, она однажды пришла к Горькому и просила устроить ей какую-нибудь работу. Горький посоветовал ей обратиться в Смольный, к Венгеровой, чтобы переводить на итальянский язык прокламации Коминтерна» (*Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 260–261). Никакого огорода у Рыбаковых не было. Речь идет о семье Рыковых. Главой этой семьи был агроном Виктор Иванович Рыков, директор Агрономического института. Бывшая Императорская царскосельская ферма стала после революции институтской учебной и производственной базой. Семье Рыкова там была выделена квартира. О семье и детскосельской квартире Рыковых: *Попова Н. И., Позднякова Т. С.* «В том доме было...». СПб., 2019. С. 105–106. Гл. «“Ангел мой, Натали...”». Наталья Рыкова (Гуковская)». Ахматова дружила с дочерью Рыкова Натальей Викторовной (в замужестве Гуковской). Ср.: «В голодные годы Ахматова жила у Рыковых в Детском Селе. У них там был огород. В число обязанностей Натали Викторовны входило заниматься его расчисткой – полоть лебеду. Анна Андреевна как-то вызвалась помогать: “Только вы, Наташенька, покажите мне, какая она, эта лебеда”» (*Гинзбург Л.* Ахматова (Несколько страниц воспоминаний) // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 133. Запись 1927). Встреча Ахматовой с Горьким в Детском Селе была возможна, когда Горький отдыхал там летом 1920, занимая несколько комнат в бывшем доме купца Скороспехова на Пролетарской улице (*Бунатян Г. Г.* Город муз: Литературные памятные места города Пушкина. Л., 1987. С. 156–161).

⁸² Первая публ.: *Лукницкая В. К.* Перед тобой земля. Л., 1988. С. 317. Цит. по: Переписка А. А. Ахматовой и В. К. Шилейко (1924–1929) / Публ. А. И. Павловского, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев и А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 228.

⁸³ Там же. С. 229.

⁸⁴ Владимир Шилейко: Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы / [Предисл., примеч. и указатели А. В. и Т. И. Шилейко]. М., 2003. С. 85.

⁸⁵ Там же. С. 88.

⁸⁶ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 281.

⁸⁷ Там же. С. 281.

⁸⁸ Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралина. Л., 1990. С. 154.

⁸⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410.

⁹⁰ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 281.

⁹¹ *Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 222–223.

⁹² Переписка А. А. Ахматовой и В. К. Шилейко. С. 229.

⁹³ *Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 266–267. Запись от 6 июня 1927.

⁹⁴ Дом № 12 на наб. Кутузова (тогда – Жореса; до революции – Французская наб.) выходит также на ул. Шпалерную (в советское время – ул. Воинова). По Шпалерной это дом № 10. Ср. содержащую ошибку запись Лукницкого от 4 мая 1927: «Сегодня, пройдя со мной короткий путь – от Шереметевского дома до Рыбаковых (Шпалерная, 7), АА так устала...» (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. С. 249). Лукницкий перепутал Шпалерную улицу с находящейся поблизости Захарьевской улицей. По 1929 включительно Рыбаковы жили на Захарьевской (в то время – Каляева), д. 7, о чем свидетельствуют записи в ежегодном справочнике «Весь Петроград».

⁹⁵ Об этом см. в воспоминаниях Я. Бутовского «Рашель», в главе «Дом» (Киноведческие записки. 2009. № 89. С. 184). Воспоминания посвящены режиссеру и сценаристу Р. М. Мильман, жене крупного работника Наркомвнешторга и коллекционера Ф. Э. Криммера. Мильман

и Криммер жили в одном доме с Рыбаковыми, были с ними дружны. Иногда Рыбаковы приходили в гости к соседям вместе с Ахматовой (Там же. С. 192).

⁹⁶ О жильцах дома подробно: *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде.

⁹⁷ Там же. С. 7.

⁹⁸ Там же. С. 11.

⁹⁹ *Лукицкий П. Н.* Дневник 1928 года. Асуміана. 1928–1929 / Публ. и коммент. Т. М. Двигатиной // Лица: Биографический альманах. № 9. СПб., 2002. С. 452.

¹⁰⁰ Текст объявления приведен по комментарию Т. М. Двигатиной (Там же. С. 464). В комментарии указан утренний выпуск «Красной газеты» от 7 ноября 1928, но в этом выпуске такое объявление мною не найдено.

¹⁰¹ Наталья Яковлевна и Елена Яковлевна имели двойную фамилию, вторая часть которой писалась по-разному: Олексенко, Олексенко, Алексеенко; их отца звали Я. А. Данько-Олексенко (Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько / Автор-сост. В. В. Левшенко; под науч. ред. В. В. Знаменова. СПб., 2012. С. 13). Зачастую по отношению к сестрам использовалась лишь первая часть фамилии: Данько.

¹⁰² *Рыбакова О. И.* Семья Рыбаковых и их семейная коллекция. С. 3.

¹⁰³ За рубежом персональные выставки Серебряковой проходили.

¹⁰⁴ *Русакова А. А.* Зинаида Серебрякова. М., 2006. С. 341. В связи с этой выставкой см. напр., брошюры: *Радлов Н. Э.* З. Е. Серебрякова: К выставке Ленинградского областного совета профессиональных союзов. Л., 1929; Выставка картин З. Е. Серебряковой / Ст. В. Воинова; каталог. Л., 1929.

¹⁰⁵ В связи с этой выставкой см.: *Пунин Н. Н.* Владимир Васильевич Лебедев. Л., 1928; В. Лебедев / Статьи П. И. Нерадовского, Н. Н. Пунина; каталог произведений за 1920–1928 гг. / Сост. В. Н. Аникиева. Л., 1928; *Воинов В.* Выставка В. В. Лебедева. Л., 1928 и др.

¹⁰⁶ Данько Наталья Яковлевна // Справочник коллекционера. [Электронный ресурс]. URL: http://spravcoll.ru/index.php%D0%94%D0%B0%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%BE_%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0 См. также: *Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. С. 70. О выставке см.: *Голлербах Э.* Скульптура Н. Я. Данько. Выставка в Доме культуры Выборгского района. Л., 1929.

¹⁰⁷ Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько. С. 39.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. С. 52. Об особой роли Рыбакова в жизни Н. Я. Данько говорится и на других страницах книги. По словам Ж. Б. Рыбаковой, «возможно, у деда был роман с одной из сестер Данько». Если так, то, думается, это была Н. Я. Данько – красавица, «совершенно исключительный человек, крупный человек» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 102). «Конечно, совместная жизнь с сестрой сказалась на характере Натальи Яковлевны. <...> Елена Яковлевна была человеком нервным, не всегда сдержанным. Ведь это она была виновницей охлаждения дружбы сестры с Рыбаковым» (*Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. С. 73).

¹¹⁰ *Дрон Д.* «Да здравствует художественный труд!» (Форум по искусству и инвестициям в искусство. [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.artinvestment.ru/showthread.php?t=62851&page=6>). Об этом также в статье: *Смирнова Н.* Штрихи к портрету коллекционера // Южная правда. 2015. 8 апреля (г. Николаев).

¹¹¹ Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину / Вступ. ст., коммент., подгот. текста Л. Ю. Коноваловой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века: Кн. 1. М., 2016. С. 46.

¹¹² Гороховая улица, на которой до 1932 находилось здание Полномочного представительства ОГПУ, называлась в 1918–1927 Комиссаровской, затем – улицей Дзержинского.

¹¹³ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 5. Смелость, решительность, надежность

были у Иосифа Израилевича семейными чертами. В архиве Рыбаковых сохранились публикации и фотографии, связанные с судьбой его родного брата. В «Киевской мысли», чрезвычайно популярной политической и литературной газете либерального направления, 12 августа 1915 была помещена фотография брата и статья «И. И. Рыбаков», в которой сообщалось: «В бою 29 июля, у ст. Орехово, тяжело ранен и остался лежать на поле сражения сотрудник “Киевской мысли” Исая Израилевич Рыбаков, ушедший добровольцем на войну. Лишь совсем недавно, 29 июня, И. И. Рыбаков вступил в качестве добровольца, в чине младшего унтер-офицера, в один из боевых киевских полков, где был, по своей воле, зачислен в пулеметную команду. Уже на первых шагах своей службы И. И. Рыбаков приобрел среди своего начальства и товарищей симпатии, выдвинувшись своей неустранимой храбростью: за участие в боях 8, 9 и 21 июля он был произведен в старшие унтер-офицеры и представлен к Георгиевскому кресту 4-й степени». Один из участников боя 29 июля прислал в редакцию письмо с подробным описанием этого события, охарактеризовав его так: «Стоял, буквально, ад». Когда после многочасового сражения рота, в которой находился Исая Рыбаков, вынуждена была начать отступление, он был в группе пулеметчиков, прикрывавших ее отход. «Наконец, работа пулемета была закончена, его стали осторожно выносить... Рыбаков взял тело пулемета и потащил его... Но в этот момент раздался оглушительный удар, – то тяжелый снаряд врезался в место, где стояли пулеметчики. <...> раненый лежал Рыбаков... Когда он упал, то крикнул, выпустив из рук пулемет: “Забирайте скорей пулемет... передайте доктору (старшему врачу полка, с которым он был сыздана в приятельских отношениях)... я тяжело ранен... Возьмите карточку и кольцо...” Никто этого не взял. Санитар, пытавшийся ему сделать перевязку, был сражен тут же пулеметной пулей...». «Карточка» – скорее всего, фотография невесты или жены: в папке с материалами Исая Израилевича сохранилось несколько фотографий молодой прекрасной женщины. Кольцо, по-видимому, тоже было связано с ней. В «Киевской мысли» от 14 августа 1915 в заметке об Исае Рыбакове было выдвинуто предположение, что его взяли в плен. Более чем через месяц после этого в московской газете «Еврейская неделя» от 20 сентября 1915 (№ 18) была помещена фотография Исая Рыбакова и даны все те же сведения: оставлен на поле боя. Видимо, дальнейшая судьба брата Иосифа Израилевича так и не была выяснена.

¹¹⁴ *Добронравов Л. (?) Золотая комната (НКВД изымает золото у граждан) // Семейные истории. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famhist.ru/famhist/atlantida/00076072.htm#000698d2.htm>*

¹¹⁵ Более подробно о «парилках»: *Шапорина Л. В. Дневник. Т. 1. С. 129–130. Запись от 21 февраля 1933.*

¹¹⁶ *Осокина Е. Золото Сталина (сайт журнала «Forbes». 03.09.2010). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2010-09/57457-zoloto-stalina>*

¹¹⁷ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 5.

¹¹⁸ А. Я. Разумов считает: «Вне сомнения, отдал что-то».

¹¹⁹ Бисквит – изделие из обожженной фарфоровой массы, не покрытое глазурью, белого матового цвета (в подражание мрамору). Чаще всего используется для создания фарфоровой мелкой пластики.

¹²⁰ Названные работы Данько из коллекции Рыбаковых см.: Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько. Там же представлены вещи из других коллекций: некоторые варианты росписи статуэтки, рисунки Е. Я. Данько, изображающие Ахматову, и еще один вариант камня. Некоторые изображения Ахматовой работы сестер Данько см. также: В ста зеркалах. Анна Ахматова в портретах современников. С. 84–91.

¹²¹ Часть из них можно увидеть в альбоме: В ста зеркалах. Анна Ахматова в портретах современников.

¹²² *Сыркина Ф. Без котурнов. Ахматова и Тышлер // Литературная учеба. 1989. С. 157. О создании этих рисунков см. также: Тышлер А. Г. Я помню Анну Ахматову // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 401–403.*

¹²³ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, КП-1446. Ахматовские публикации с

инскриптами были подарены музеем О. И. Рыбаковой в 1989, в год его открытия.

¹²⁴ Оpubл. (не полностью): *Черных В. А.* Указ. соч. С. 330. Здесь приводится целиком, по оригиналу из архива Рыбаковых. То же касается всех других инскриптов, опубликованных в «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой»: в данной статье они даются по оригиналам или фотокопиям, хранящимся в архиве Рыбаковых.

¹²⁵ Архив Рыбаковых. Оpubл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 330.

¹²⁶ На первом томе изд.: *Пушкин А. С.* Стихотворения. В 3 т. М.; Л., 1955. Экземпляр хранится в Литературном музее ИРЛИ РАН. Надпись приводится по: *Герштейн Э. Г.* Ахматова-пушкинистка // Ахматова А. А. О Пушкине. М., 1989. С. 321.

¹²⁷ Архив Рыбаковых. Оpubл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 356.

¹²⁸ *Латманисов М. В.* Беседы с А. А. Ахматовой // Об Анне Ахматовой. С. 508.

¹²⁹ *Роскина Н.* Анна Ахматова // Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris, 1980. С. 29.

¹³⁰ *Хренков Д. Т.* Анна Ахматова в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1989. С. 170.

¹³¹ Н. В. Королева считает стихотворение Варужана первым заказным стихотворным переводом Ахматовой (*Королева Н. В.* «И вот чужое слово проступает...»). О переводах Анны Ахматовой // Ахматова А. А. Собр. соч. В 6 т. Т. 7, доп.: Переводы. М., 2004. С. 36–37. Однако Р. Д. Тименчик полагает, что следует учесть выполненный в 1920 перевод стихотворения Антеру де Кентала «Заре (С португальского)», опубликованный Ахматовой среди своих стихов в сборнике «Подорожник» (Пг.: Петрополис, 1921): «Редактор сборника Григорий Лозинский попросил в качестве одолжения ему перевести. Можно считать заказом» (из письма Р. Д. Тименчика автору статьи). Лозинский Григорий Леонидович (1889–1942) – филолог-романист, переводчик, педагог, брат М. Л. Лозинского. Один из создателей издательства «Петрополис». В 1921 эмигрировал во Францию.

¹³² Впрочем, для каламбура могла быть и другая причина: судя по наличию черновика перевода «Первого греха» в архиве Н. И. Харжиева, это стихотворение Ахматова переводила в соавторстве. См.: Фонд Н. И. Харджиева (РГАЛИ, ф. 3145, оп. 2, уд. Хр. 68). Сам Харжиев это стихотворение в числе выполненных для Ахматовой (или совместно с ней) переводов не упоминает и сообщает о более позднем (в конце 1940-х) начале совместной работы с ней. См.: *Харджиев Н. И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. / Сост. Н. В. Королева, С. А. Коваленко. М., 1992. С. 229.

¹³³ См. письма Пунина Ахматовой в больницу: *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью. С. 336–337. См. также воспоминания И. Н. Пуниной (Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин / Сост., ст., коммент. Т. С. Поздняковой; введ. Н. И. Поповой; каталог И. Г. Ивановой и др. СПб., 2002. С. 202).

¹³⁴ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 359.

¹³⁵ Место и время съемки указаны по изд.: Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько. С. 203.

¹³⁶ Оригиналы фотографий – в ахматовском фонде в РГАЛИ (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 206). Фотокопии – в домашнем архиве Рыбаковых. Оpubл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 359.

¹³⁷ Оpubл.: Там же. С. 360. Здесь дается по фотокопии из архива Рыбаковых.

¹³⁸ *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью. С. 337.

¹³⁹ См. об этом: *Соболев А. Л.* «Постояла в золотой пыли»: пенсионное дело Анны Ахматовой // Соболев А. Л. Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017.

¹⁴⁰ Место хранения письма: Государственный музей К. А. Федина. Ед. хр. 45558. Цит. по: Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину. С. 46. Примеч. публикатора: Миша – «вероятно, Слонимский М. Л.»; «Поездка Федина в Париж не состоялась». Об участии Федина в деле возвращения Ахматовой персональной пенсии см.: Там же. С. 44–45.

¹⁴¹ Об этом: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 360–361.

¹⁴² Цит. по: *Виленкин В. Я.* Воспоминания с комментариями. М., 1991. С. 395–399. См.

также: *Виленин В. Я.* В сто первом зеркале. М., 1990. С. 11–14; основное отличие – в дате приема у Рыбаковых. В кн. «В сто первом зеркале» указан июль 1938, в «Воспоминаниях с комментариями» – июнь. Верна последняя дата. Ср., напр., буклет: Московский художественный театр. Программы ленинградских гастролей. С 26 мая по 30 июня 1938 [Л.], 1938.

¹⁴³ Четырехкомнатная квартира Рыбаковых состояла из двух комнат по 26 метров и двух значительно меньших по размеру. Кухня размещалась в просторном коридоре. Впоследствии детская была переделана в кухню, так что квартира стала трехкомнатной.

¹⁴⁴ Свирель Пана. 1923. № 1 (примеч. В. Я. Виленина).

¹⁴⁵ Это – о событиях 1934: «13 марта 1934 г. его арестовали. В тот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда. <...> Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России <...>, и статуэтку работы Данько (мой портрет, 1924 г.) для продажи. (Их купила С. Толстая для музея Союза писателей.)» (*Ахматова А. А.* Листки из дневника (О Мандельштаме) // *Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. / Сост. и подгот. М. М. Кралина. М., 1996. Т. 2. С. 166.

¹⁴⁶ У Ахматовой: «Второй раз его <Мандельштама. – О. Р.> арестовали 2 мая 1938 года <...> В то время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца (с 10 марта). О пытках говорили все громко» (*Ахматова А. А.* Листки из дневника. С. 173). Таким образом, ко времени июньского приема у Рыбаковых Л. Н. Гумилев сидел в следственной тюрьме на ул. Воинова (Шпалерной), 25, в пяти минутах ходьбы от рыбаковского дома, уже не два месяца, а значительно дольше. В тюрьму Кресты его перевели по окончании «следствия», в конце августа. О следствии и заключении, о попытках Ахматовой спасти сына см.: *Беляков С. С.* Гумилев сын Гумилева. М., 2012. С. 127–134 и далее; *Разумов А. Я.* Дела и допросы. Ч. II. «Вот это действительно правильно»: К делам обвиняемого Льва Гумилева // «Я всем прощение дарю...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева. М.; СПб., 2006. С. 279–317.

¹⁴⁷ 6 июля 1938 – дата, указанная в постановлении от 27 октября 1938 о прекращении дела, в воспоминаниях О. И. Рыбаковой и ряде других документальных источников. В некоторых документах 1965 в деле Рыбакова указана дата 5 июля.

¹⁴⁸ Лавренев Борис Андреевич (наст. фамилия Сергеев, 1891–1959) – прозаик, драматург, поэт, журналист. Лауреат двух Сталинских премий. Жил в одном доме с Рыбаковыми. Сохранились письма Лавренева Рыбакову (ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, ч. I, № 714).

¹⁴⁹ *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 11.

¹⁵⁰ Там же. С. 7.

¹⁵¹ В дальнейшем все имена и фамилии даны в правильном написании, независимо от того, каким образом они выглядят в деле.

¹⁵² Сокращение «к-р» в деле используется вместо слова «контрреволюционный». Ср. сокращение КР, каэр, на тюремном советском жаргоне означавшее «контрреволюционер».

¹⁵³ *Поварцов С. Н.* Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабея. М., 1996. С. 136–137.

¹⁵⁴ О Вожеле см. также: *Носик Б. М.* Прогулки по Французской Ривьере. Сокровища и тайны Лазурного берега. СПб., 2004 и др.

¹⁵⁵ *Андроников Я. Я.* Просто шел, не ведая куда... С. 94–163; *Дмитриев Ю. А.* Место расстрела Сандармох. 2-е изд. / Под ред. А. Я. Разумова. Петрозаводск, 2020. С. 34.

¹⁵⁶ Комментарий А. Я. Разумова: «Все протоколы времени Большого сталинского террора были оформлены по присланному из Москвы образцу в рамках следствия, объявленного в приказе НКВД “ускоренным и упрощенным”».

¹⁵⁷ АРКОС (All Russian Cooperative Society Limited) – Всероссийское кооперативное общество с ограниченной ответственностью, созданное в Великобритании в 1920 и игравшее большую роль в торговых отношениях двух стран. В 1924 Великобритания признала Советский Союз, после чего в королевстве смогла появиться полноправная официальная торговая

организация СССР – Торгпредство. В 1927 дипломатические отношения двух стран были разорваны. По советской версии, английская нота о разрыве отношений, 27 мая врученная Чемберленом советскому поверенному в делах, «содержала необоснованные обвинения СССР в антианглийской пропаганде и грязные инсинуации относительно шпионажа, будто бы проводившегося сотрудниками АРКОСа» (История дипломатии. В 5 т. Т. 3. М., 1965. С. 484). В числе предшествовавших ноте событий был «налет на АРКОС»: с 12 по 16 мая 1927 лондонская полиция проводила обыск в помещениях АРКОСа и Торгпредства в поисках компрометирующих документов (*Репин Т.* Налет на АРКОС: Почему Англия разорвала дипломатические отношения с СССР // Русская семерка. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian7.ru/post/nalet-na-arkos-pochemu-angliya-razorval/> Дипломатические отношения между СССР и Великобританией были восстановлены в 1929.

¹⁵⁸ В показаниях от 25 августа Рыбаков называет предположительно 1933–1934. Те же годы назвала в своих свидетельских показаниях от 27 августа 1938 О. И. Рыбакова.

¹⁵⁹ Из «Обзорной справки на Андроникова Я. Н.» от 17 февраля 1965 в деле Рыбакова 1938. Предприятие Рыбакова названо Андрониковыми «конторой», находившейся по адресу Невский пр., 114.

¹⁶⁰ В др. допросе указана газета «Правда» 1925. По свидетельству О. И. Рыбаковой, письмо ее отца о разрыве с меньшевиками было опубликовано в «Ленинградской правде» в мае 1923 (краткая машинописная биография Рыбакова, составленная дочерью и хранящаяся в семейном архиве: Иосиф Израилевич Рыбаков. С. 1). В 1923 газета называлась «Петроградская правда». В «Петроградской правде» за май 1923 письмо Рыбакова отсутствует.

¹⁶¹ Ср. слова Е. Н. Невской об ее отце, востоковеде Н. А. Невском (1892–1937): если текст первого допроса – «с четкой подписью Невского, то в последующих <...> буквы напользают друг на друга, а порой и вовсе какие-то закорючки» (*Рубинчик О. Е.* Реквием по востоковедам // Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и ее время. М., 2018. С. 535).

¹⁶² Комментарий А. Я. Разумова: «Рыбакова готовили к расстрелу – к обвинительному заключению “по первой категории”». Всех обвиняемых по статье о шпионаже вставляли в “альбомы” и передавали на утверждение в Москву верховной “двойкой” – комиссией в составе наркома внутренних дел и прокурора СССР. А в сентябре 1938 года начинался заключительный этап карательной кампании. Все незавершенные дела на “шпионов” подлежали рассмотрению вновь созданных Особых троек. Предыдущая Ленинградская тройка НКВД завершила работу в июне. О деятельности новой Особой тройки осенью 1938 года см. в 11-м томе “Ленинградского мартиролога”. Рыбакова успели бы “оформить” на Особую тройку, если бы дело завершили в августе или начале сентября. Допросы в это время проходили с пристрастием. Допросы носили “конвейерный” характер, допрашивали по несколько суток, а потом оформляли как протокол с определенной датой».

¹⁶³ Возможно, должно быть «п/с» – подследственный.

¹⁶⁴ Письмо А. Я. Разумова автору статьи от 3 февраля 2019.

¹⁶⁵ Позднее М. В. Бокариус написала об этом: *Бокариус М. В.* Михаил Давидович Ромм. С. 392.

¹⁶⁶ *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 4–5.

¹⁶⁷ «...В 1930-х годах Иосиф Израилевич увлекся китайским искусством. Ему посчастливилось приобрести коллекцию китайских вещей, принадлежавших нотариусу Лебедеву (фарфор, лак, дерево), а затем пополнить ее бронзовыми и нефритовыми изделиями» (*Голлербах Э.* Собрание И. И. Рыбакова. Машинопись из архива семьи Рыбаковых. С. 9).

¹⁶⁸ Огонек. 1940. № 4 (691). С. 20.

¹⁶⁹ Среди работ Судейкина у Рыбакова был портрет О. А. Глебовой-Судейкиной в роли «Путаницы». Ср. у Ахматовой в «Поэме без героя»: «Ты ли, Путаница-Психея...».

¹⁷⁰ В коллекции был, как пишет Голлербах, «ряд натюрмортов» Шагала, были также картины «Розовые любовники» и «Окно» («Вид из окна в Витебске», 1908). Об «Окне» в связи с творчеством Ахматовой см. в гл. «Ахматова и Шагал» в кн.: *Рубинчик О. Е.* «Если бы я

была живописцем...»: Изобразительное искусство в творческой мастерской Анны Ахматовой. СПб., 2010. С. 70–72, 132.

¹⁷¹ О значении для Ахматовой знакомства с литографиями Мартынова и иностранными литографированными видами Петербурга из коллекции Рыбаковых см. в гл. «Изобразительные аллюзии и экфрасис в стихотворении Ахматовой “Предыстория”» (Там же. С. 296–302).

¹⁷² *Голлербах Э.* Собрание И. И. Рыбакова. Машинопись из архива семьи Рыбаковых. С. 1–10. Другие экземпляры той же статьи хранятся в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 1991), РО ГРМ и в РГАЛИ.

¹⁷³ *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. С. 298.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же. С. 299. Между тем, Клюев был арестован в Москве в 1934 и осужден на 5 лет лагерей с заменой на высылку; в 1937 расстрелян в Томске.

¹⁷⁶ Там же. С. 278.

¹⁷⁷ Там же. С. 349, 396–397.

¹⁷⁸ *Рыбаков И. И., Фарафонтьев Б. В.* Практика хозрасчета. Л., 1931.

¹⁷⁹ *Рыбаков И. И., Фарафонтьев Б. В.* Хозрасчет в действии: Практика хозрасчета. 3-е перераб. изд. Л., 1931. Первые строки «Вступления» этой вышедшей пятнадцатитысячным тиражом брошюры: «Хозрасчет – основа правильной постановки работы предприятия. Хозрасчет не только не сужает проявления инициативы, а наоборот – дает возможность ее широкого применения как со стороны хозяйственников, так со стороны рабочих масс» (С. 3).

¹⁸⁰ Коллективное изд., где Рыбаков – один из авторов: *Авидон В. А. и др.* Организация внутриводского хозрасчета: Пособие для директоров и заводских работников. Л., 1932.

¹⁸¹ Здесь и далее приводятся устные воспоминания, которыми А. Г. Каминская делилась в телефонных разговорах с автором данной статьи в 2018–2020.

¹⁸² Архив Рыбаковых. Опубл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 378 и 381. Вторая надпись обнаружена также в газете «Южная правда», в уже упомянутой статье Н. Смирновой «Штрихи к портрету коллекционера».

¹⁸³ Слова «на память о многом», как и некоторые другие обороты из дарственных надписей Рыбаковым, несколько раз встречаются в инскриптах Ахматовой разным адресатам (см., напр., дарственную надпись Н. А. Роскиной: *Роскина Н.* «Как будто прощаюсь снова...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 541). При этом они всегда имеют разное наполнение.

¹⁸⁴ *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 5.

¹⁸⁵ Общение Ахматовой с Гаршиным началось в 1937, но, по словам О. И. Рыбаковой, в их семье Анна Андреевна стала бывать с ним в 1939; Л. Я. Рыбакова познакомилась с Гаршиным раньше, навещая Ахматову в Фонтанном Доме (*Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 224).

¹⁸⁶ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 81, 82, 135, 158.

¹⁸⁷ *Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 225. По возвращении в Ленинград Ахматова отдала письма и др. материалы Пастернака на хранение Л. Я. Рыбаковой. См.: Борис Пастернак. Из переписки с писателями / Предисл. к публ. Е. Б. и Е. В. Пастернаков // Литературное наследство. Т. 93. М., 1993. С. 653.

¹⁸⁸ Как я уже писала, в деле Рыбакова не оказалось ни одного доноса.

¹⁸⁹ Б. В. Лауэнбург смог взять свою мать с собой в эвакуацию, использовав тот «литер» (бесплатный билет) на самолет, который не понадобился для жены и дочери.

¹⁹⁰ Родные и друзья иногда называли Рыбакова Жозефом (французская версия имени Иосиф) и Жозей. Ср. дарственную надпись художника Лебедева на книге Пунина «Владимир Васильевич Лебедев» (Л., 1928): «Жозе / Совсем по-хорошему / Володя / 16 / X 28» (собрание Рыбаковых).

¹⁹¹ Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988). К его характеристике, данной О. И. Рыбаковой, нужно добавить, что Зильберштейн был одним из основателей и редакторов серии «Литературное наследство» (за годы его работы издано 98 томов), а также коллекционером и основателем (вместе с И. А. Антоновой) Музея личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина.

¹⁹² Тобилевич Владимир Павлович (1900–1981) – основоположник отечественной радиогинекологии, заведующий отделением онкогинекологии в Ленинградском институте онкологии, профессор, сосед Рыбаковых по дому на набережной Жореса (Кутузова). «...Жена д<окто>ра Тобилевича» – его первая жена Софья Борисовна Гарбер, медсестра-диетолог (после ее смерти Тобилевич женился на Елизавете Ивановне Грицкиной, урожд. Ювачевой, сестре Д. И. Хармса).

¹⁹³ Хлопонина (у О. И. Рыбаковой ошибочно – Хлапонина) Сусанна Яковлевна (1899–?) – хирург, награждена орденом Отечественной войны II степени (см. сайт «Память народа». [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/awards/25835584>), с 1948 – заслуженный врач РСФСР (см.: *Шануро Б. С. Я. Хлопонина – заслуженный врач республики // Пульс [газета 1-го Ленинградского медицинского института]. 1948. № 22 (462). С. 1.* [Электронный ресурс]. URL: https://www.lspbmgmu.ru/images/home/universitet/izdatelstvo/Pulse/1940-1949/Pulse_22_462_3.06.1948.pdf). Из показаний Рыбакова от 7 июля 1938 (в неграмотной записи следователя): «Лица, с которыми я был наиболее связан, являются следующие: 1. Гольдберг Семен Викторович – профессор хирургии. 2. Его жена Хлопонина Сусанна Яковлевна – хирург». В дружеских отношениях с Хлопониной был и Гаршин (см.: *Рыбакова О. И. Грустная правда. С. 225*). Ж. Б. Рыбакова: «Сусанна Яковлевна была очень хорошим хирургом. Помню, что году в 46–м–48–м меня образовался какой-то нарыв на голове – и она меня оперировала в больнице Эрисмана. Умерла она, кажется, уже после смерти бабушки. Наверно, в 60-е годы». Существует инскрипт Ахматовой от 26 мая 1940 на сборнике стихов «Из шести книг» (Л., 1940): «Милой Сусанне Яковлевне Хлопониной с искренним приветом» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана / Сост. М. С. Лесман и др.; вступ. ст. Н. Г. Князевой. М., 1989. С. 32). Издание хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (КП-3445). Вероятно, Ахматова познакомилась с Хлопониной в доме Рыбаковых.

¹⁹⁴ На казарменном положении, т. е. жила там же, где работала.

¹⁹⁵ Александрo-Невской улица называлась с 1902 по 1935, затем она была улицей Красной площади, а с 1956 это улица Александра Невского.

¹⁹⁶ *Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 5–20.*

¹⁹⁷ Там же. С. 19. Свидетельство Ж. Б. Рыбаковой: «Во время войны было какое-то человеческое братство. Это еще в 1946 чувствовалось. В доме друг другу помогали. То, что в доме выжил маленький ребенок, всех трогало. Со мной возились».

¹⁹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹⁹ *Будыко Ю. И. История одного посвящения (О «Поэме без героя» А. Ахматовой) // Русская литература. 1984. № 1. С. 236–237.* А также: Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 55–56. В данной статье тексты открыток цит. по оригиналам из домашнего архива Рыбаковых.

²⁰⁰ «Передайте мою сердечную и горячую благодарность милой Оле за ее весточки» (*Будыко Ю. И. История одного посвящения. С. 237. Открытка от 21 марта 1944*).

²⁰¹ *Рыбакова О. И. Грустная правда. С. 224.*

²⁰² *Журавлева Т. Б. В. Г. Гаршин (1887–1956). СПб., 1994.*

²⁰³ Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Гаршин работал там наряду с 1-м Ленинградским медицинским институтом.

²⁰⁴ *Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб., 2000. С. 96.*

²⁰⁵ Родная сестра Гаршина Юлия Георгиевна Пифиева.

²⁰⁶ Письмо А. В. Гаршину от 21 июня 1943 (Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 47).

²⁰⁷ *Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 501.* Из «Ташкентских тетрадей» Чуковской 1941–1942 можно получить некоторое представление и об ахматовской военной переписке с Гаршиным, которая была уничтожена Ахматовой после их разрыва.

²⁰⁸ *Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка; Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину / Предисл., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н. И. Крайневой и Е. А. Пере-*

жогиной; предисл. к разделу «Переписка» и заметки к биогр. Б. С. Кузина М. А. Давыдова. СПб., 1999. С. 690.

²⁰⁹ Адрес получателя: «Ленинград. Набережная Жореса, 12, кв. 5. Лидии Яковлевне Рыбаковой». Адрес отправителя: «А. Ахматова. Ташкент, ул. Жуковского, 54».

²¹⁰ *Журавлева Т. Б.* Указ. соч. С. 117–119. Письма от 16 августа и 20 сентября 1942.

²¹¹ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 439–442.

²¹² В ахматовской открытке Л. Я. Рыбаковой от 17 мая 1943 говорится: «... в одном доме я встретила людей (муж, жена, девочка), с которыми познакомилась у вас». Речь идет о Н. Н. Заманской, ее муже М. Д. Фишелеве и их дочери Любе. Все сведения о семье Фишелевых сообщены автору статьи Любовью Михайловной Фишелевой (род. в 1936, по профессии – инженер-строитель). Фишелев Михаил (Моисей) Давидович (1895–1975) – искусствовед, коллекционер. Собирал произведения западноевропейской графики, русскую и французскую книжную графику, экслибрисы, иллюстрированные книжные издания. Л. М. Фишелева: «У нас было две больших комнаты в коммунальной восьмикомнатной квартире. Мы жили в абсолютно завешанном картинами пространстве. А книги были не только на стеллажах, но везде: лежали исключительно плотно и аккуратно под столами, под кроватями, в ящике тахты и т. д. Но папа себя библиофилом никогда не считал, т. к. собирал не коллекцию книг, а рабочую библиотеку, мог купить рваную книгу, если она его интересовала».

В дом Рыбаковых, по-видимому, Фишелева ввел в начале 1930-х Верейский. По словам Любови Михайловны, «с тех пор Рыбаковы стали ему близкими друзьями. У Иосифа Израилевича и папы были общие интересы». Со своей будущей женой Надеждой Наумовной Фишелев познакомился у Рыбаковых. «Ольга Иосифовна говорила, что, когда арестовали Иосифа Израилевича, единственный человек, который к ним всегда приходил, был мой отец. Знакомство моих родителей с Рыбаковыми никогда не прерывалось. И мы с Иной до сих пор поддерживаем отношения».

Ахматова познакомилась с Фишелевыми в начале 1930-х. В Ташкент Фишелевы прибыли в 1943 и жили неподалеку от нее. В чьем доме они встретились, Л. М. Фишелева не помнит, но помнит другое: «...мы к ней приходили – в узкую комнату. Помню еще узкую железную кровать. Я абсолютно не понимала, к кому мы пришли, мне никто этого не объяснил. Я с мамой и папой приходила один раз. Папа, может быть, еще приходил, но я об этом не знаю». Фишелевы смогли вернуться в Ленинград только 29 сентября 1944, вместе с Консерваторией и существовавшей при ней школой-десятилеткой, в которую Люба поступила учиться в Ташкенте.

Фишелев виделся с Ахматовой в доме Рыбаковых и после войны. Был на ее похоронах. Любовь Михайловна: «Папа собирал все, что можно было собрать об Анне Ахматовой в то время: не только ее издания, но и о ней. Мама тоже так к ней относилась: были интерес и почтение». Ахматовских автографов у Фишелевых не было. Были ее первые прижизненные сборники, купленные Михаилом Давидовичем. Эти книги Л. М. Фишелева передала Музею Ахматовой в Фонтанном Доме в период его создания.

²¹³ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 433.

²¹⁴ *Бабаев Э. Г. А. А. Ахматова в письмах Н. И. Харджиёву // Тайны ремесла. С. 208.*

²¹⁵ *Томашевская З. Б.* «Я – как петербургская тумба» // Об Анне Ахматовой. С. 424.

²¹⁶ *Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка. С. 711.

²¹⁷ Письмо от 5 апреля 1944 (Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 58).

²¹⁸ Там же. С. 59.

²¹⁹ *Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 226.

²²⁰ Дата по: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 449–450.

²²¹ *Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 225.

²²² *Домони В. Г.* Знакомство и дружба // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 343.

²²³ Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 153.

²²⁴ *Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 225–228.

²²⁵ Герштейн Э. Г. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 262–263.

²²⁶ Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 67. Подробно о Гаршине, а также обо всей истории отношений и разрыва Ахматовой и Гаршина см. в этом издании.

²²⁷ Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 20. Тогда, в период возвращения ленинградцев из эвакуации, у Рыбаковых нашла приют не только Ахматова: «Поселились у нас и мои институтские друзья...», – вспоминает Ольга Иосифовна в письме о блокаде (с. 5), написанном в ответ на просьбу ребят из совхозной школы (этот машинописный текст с авторской правкой открывается обращением, выделенным как название: «Милые ребята 6-го класса школы совхоза “Агроном”»).

²²⁸ Любимова А. В. Записи о встречах // Об Анне Ахматовой. С. 232–234. Конец июня 1944.

²²⁹ О выступлении в Пушкине см.: 298–327.

²³⁰ Островская С. К. Дневник / Вступ. ст. Т. С. Поздняковой; послесл. П. Ю. Барсковой; подгот. текста и коммент. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. М., 2013. С. 518.

²³¹ Колпакова Н. В. Страницы дневника // Об Анне Ахматовой. С. 127.

²³² Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., введ. заметки, указатели В. А. Черных. М; Torino, 1996. С. 587.

²³³ Пунина И. Н. «Под кровлей Фонтанного Дома...»: Запись выступления на вечере в Музее Анны Ахматовой (октябрь 1994). Приложение в изд.: Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. С. 150. О том же: Пунина И. Н. В годы войны (1942–1944): Фрагменты неопубликованной книги / Публ. и примеч. А. Г. Каминской // «Я всем прощение дарю...». С. 17–23.

²³⁴ Рыбакова О. И. Грустная правда. С. 225.

²³⁵ Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 20.

²³⁶ Пунина И. Н. В годы войны (1942–1944). С. 22.

²³⁷ Мандельштам Н. Об Ахматовой / Сост. и вступ. ст. П. Нерлера; подгот. текста П. Нерлера и С. Василенко при участии Н. Крайневой; коммент. П. Нерлера при участии Н. Крайневой. М., 2007. С. 234. Герштейн Э. Г. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой. С. 262.

²³⁸ Шапорина Л. В. Дневник. Т. 1. С. 443–444.

²³⁹ Архив Рыбаковых. Опубл.: Черных В. А. Указ. соч. С. 462.

²⁴⁰ Подробнее об этом: «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / Изд. подгот. Н. И. Крайнева при участии А. Я. Лапидус, Ю. В. Тамонцевой, О. Д. Филатовой. СПб., 2009. С. 949–951.

²⁴¹ Об этом: Там же. С. 956–963.

²⁴² См.: Там же. С. 965. Инскрипт приводится по скану (автограф «Поэмы») целиком воспроизведен в сканированном виде на сайте РГАЛИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akhmatova-rgali.ru/index.php?view=varchive&l=manuscripts&u=13-1-72>.

²⁴³ РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 72.

²⁴⁴ Строка Анненского из стихотворения «Дальние руки». Китс: «И ты далеко в человечестве» (англ.) – из поэмы «Изабелла». Бодлер: «...но образ вечный / Твой бдит над ним, когда он спит; / Как ты ему теперь, и он тебе, конечно, / До смерти верность сохранит» (фр.) – из стихотворения «Une Martyre» («Мученица») в пер. Н. С. Гумилева.

²⁴⁵ Похожим образом Ахматова оформила эту страницу журнала для Островской. Под дарственной надписью дата: 6 мая 1946 года (см.: РО РНБ, ф. 1448 (фонд С. К. Островской и С. Н. Драницына), ед. хр. 167). Описание см. в статье: Позднякова Т. С. «Экспериментальное поле для наблюдений над человеком и человеческим» // Островская С. К. Дневник. С. 24–25.

²⁴⁶ Об этом: Рыбакова О. И. Семья Рыбаковых и их семейная коллекция. С. 5.

²⁴⁷ Рыбакова О. И. Мои встречи с М. А. Сильвиним. С. 1–2.

²⁴⁸ Ср.: «С 1951 г. моя мать была парализована. Михаил Александрович ее навещал постоянно. Он рассказывал ей об эпизодах своей революционной деятельности. <...> Он также вспоминал об участии моего отца...» (Там же. С. 2–3).

²⁴⁹ Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 2.

²⁵⁰ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 1, 5.

²⁵¹ В советское время в Ленинграде университетом назывался только один вуз: Ленинградский государственный университет, ныне – Санкт-Петербургский государственный университет.

²⁵² О. И. Рыбакова в воспоминаниях с благодарностью называет имена многих своих учителей.

²⁵³ ИТР – инженерно-технический работник.

²⁵⁴ Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 2–4.

²⁵⁵ Там же. С. 4–5.

²⁵⁶ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 7.

²⁵⁷ Там же. С. 5.

²⁵⁸ Название документа – «Перечень публикаций стихотворений и прозы Анны Андреевны Ахматовой, хранящихся у О. И. Рыбаковой». Ниже от руки написано: «С автографами».

²⁵⁹ Ж. Б. Рыбакова: «Феликс Плантенер был инженером на Металлическом заводе, работал с мамой. Он был намного моложе ее, занимался боксом. Интересовался литературой, бывал в нашем доме».

²⁶⁰ Фото Лукницкого, март 1926. В собрании Рыбаковых – копия, оригинал сдан в РГАЛИ. Текст надписи опубли.: Черных В. А. Указ. соч. С. 341.

²⁶¹ Другой экземпляр того же номера журнала был надписан Л. Я. Рыбаковой (см. об этом ранее). Обе надписи опубли.: Черных В. А. Указ. соч. С. 378.

²⁶² Опубли.: Там же. С. 541.

²⁶³ Опубли.: Там же. С. 569.

²⁶⁴ Опубли.: Там же. С. 569.

²⁶⁵ Комментарий А. Я. Разумова: «Так было с семьями тех, кому не смогли вынести бессудный приговор до окончания карательной кампании 1937–1938. Не трогали также самих “недострелянных”, кого вынуждены были выпустить в 1939–1940, их имена должны были свидетельствовать о торжестве советского правосудия».

²⁶⁶ Беляев Сергей Алексеевич (1936–2019) – историк, археолог. Одно время работал в Эрмитаже, общался там с Л. Н. Гумилевым; участвовал в похоронах Ахматовой (Некролог: Скончался Сергей Беляев, сотрудник РАН, руководивший обретением мощей более 30 святых // Сайт «Religare», 24 октября 2019. [Электронный ресурс]. URL: http://www.religare.ru/2_118421.html).

²⁶⁷ Опубли.: Черных В. А. Указ. соч. С. 633.

²⁶⁸ Опубли.: Там же. С. 640.

²⁶⁹ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. КП-1447.

²⁷⁰ Там же. КП-1451.

²⁷¹ Там же. КП-1448. Опубли.: Черных В. А. Указ. соч. С. 285.

²⁷² Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, КП-1450.

²⁷³ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 482–483.

²⁷⁴ Там же. С. 484.

²⁷⁵ Недоброво Николай Владимирович (1882–1919) – поэт, литературный критик, теоретик стиха. Близкий друг и адресат произведений Ахматовой, о котором она как-то сказала: «А он, может быть, и сделал Ахматову» (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1999. С. 47).

²⁷⁶ «Триптих» – «Поэма без героя».

²⁷⁷ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 489. Ср. запись Чуковской от 20 мая 1940:

«Сегодня, раздобыв для Анны Андреевны “Русскую мысль” со статьей Недоброво, – о чем она давно просила, – я начала ей звонить...»; запись от 24 мая 1940: «Потрясающая статья, – перебила меня Анна Андреевна, – пророческая... Недоброво понял мой путь, мое будущее...» (Чуковская Л. К. Указ. соч. Т. 1. С. 116, 124–125).

²⁷⁸ ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 982. Письма от О. И. Рыбаковой; ед. хр. 1579. Телеграмма от О. И. Рыбаковой.

²⁷⁹ К сожалению, выяснить, кто такая упомянутая в письме Мария Павловна, не удалось.

²⁸⁰ Аня – А. Г. Каминская.

²⁸¹ Письмо Ольги Иосифовны про передачу на радиостанции «Голос Канады» упоминается в изд.: *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. В 2 т. Иерусалим; М., 2015. Т. 2. С. 187.

²⁸² Записные книжки Анны Ахматовой. С. 389. Речь идет о еще не напечатанной тогда статье Чуковского «Читая Ахматову». Впервые опубли. в журнале «Москва» (1964. № 5. С. 200–203). Статья открывается фразой: «Анна Ахматова – мастер исторической живописи». Историю создания и публикации статьи см. в работе: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. Фрагмент № 21: Чуковский К. И. // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/40/>

²⁸³ Рыбакова Жозефина Борисовна (род. в 1941) – искусствовед, заслуженный работник культуры. В 1958–1967 работала в Русском музее, в 1967–2004 – в музее Академии художеств, с 1978 была главным хранителем музея.

²⁸⁴ Евсеев Владимир Александрович (род. в 1938) – искусствовед.

²⁸⁵ Катя – дочь Ж. Б. Рыбаковой Екатерина Владимировна Евсеева (род. в 1965), искусствовед.

²⁸⁶ Ж. Б. Рыбакова: «Мама активно участвовала в судебном процессе, она выступала как свидетель на стороне Пуниных».

²⁸⁷ 2 июня 1965 Ахматова с «внучкой» А. Г. Каминской прибыла в Англию для участия в торжествах по случаю присуждения ей почетного звания доктора филологии Оксфордского университета и пробыла там по 18 июня (*Черных В. А.* Указ. соч. С. 826–832). 3 июня С. Н. Гальперн навестила ее в лондонской гостинице: «Одной из самых желанных гостей в этот день была Саломея Николаевна Гальперн-Андроникова» (*Каминская А.* Английская «ахматовка». Из дневника // *Звезда*. 2014. № 6. С. 114). По словам А. Г. Каминской (телефонный разговор от 26 апреля 2020), «Саломея Николаевна была на церемонии. А потом мы были у нее в гостях один или два раза. Она жила в типичном английском доме. Он был разделен на сектора. У каждого сектора свой выход, свой маленький садик. У Саломеи в саду было очень красиво, цвели розы. И в квартире было красиво. Сама Саломея была подвижна, элегантна. В беседе я не участвовала и почти ее не помню. Это были воспоминания двух пожилых дам о юности. Берлина при этом не было. В их разговоре присутствовал Артур <Лурье>, который не смог приехать из Америки»; «У меня есть письма Саломеи ко мне». Свидетельство самой С. Н. Гальперн: «Мы встретились с Ахматовой через много лет, когда она приехала в Оксфорд на торжества в ее честь. Пришла ко мне <...>, и у нас обеих было ощущение, что годы не прошли, мы расстались вчера и встретимся снова. Оставила автограф “Тени”, признавшись, что посвятила стихотворение мне в те дни, когда Гитлер бомбил Англию. Анна беспокоилась обо всех нас, кого знала и любила, и с кем ей нельзя было даже переписываться» (*Васильева Л. Н.* Саломея. С. 340).

²⁸⁸ В эмиграции С. Н. Гальперн подружилась с М. И. Цветаевой, помогала ей материально. Обращенные к ней письма Цветаевой (1926–1934) она подарила РГАЛИ. Почти все они опубликованы в изд.: *Цветаева М.* Собр. соч. В 7 т. Т. 7. Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М., 1995.

²⁸⁹ Имеется в виду большое письмо Цветаевой к С. Н. Гальперн от 12 августа 1932: «Дорогая Саломея, видела вас нынче во сне с такой любовью и такой тоской, с таким безумием любви и тоски, что первая мысль была, проснувшись: где же я была все эти годы, раз могла так

ее любить <...>. Это была прогулка, даже променада – некий обряд – вы были окружены (мы были разьединены) какими-то подругами (почти греческий хор) <...>. Вы были в белом, просторном, ниспадавшем, струящемся, в платье, непрерывно создаваемом вашим телом: телом вашей души. <...> Я вас любила до такого иступления (безмолвного), хотела к вам до такого самозабвения, что сейчас совсем опустошена (переполнена). Куда со всем этим? К вам, ибо никогда не поверю, что во сне ошибаются <...>. Мой любимый вид общения – сон. Сон – это я на полной свободе <...>. Только в нем я – я. Остальное – случайность. <...> Милая Саломея, лучше не отвечайте. Что на это можно ответить?..» (Там же. С. 150–153).

²⁹⁰ См.: Максимов Д. Е. Ахматова о Блоке // Звезда. 1967. № 12. С. 187–191.

²⁹¹ Вольф Марк Михайлович (1891–1987) – юрист (см.: Батлер У. Э. Марк Михайлович Вольф: англо-русский юрист // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). М., 2002; Скидальская Е. Марк Михайлович Вольф (1891–1987) // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. V / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. В домашнем архиве Рыбаковых находятся письма Вольфа О. И. Рыбаковой.

²⁹² Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 23.